

ОГУК "Ленинский мемориал"
Кафедра философии Ульяновского государственного университета

**НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
КНИГА В.И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И
ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» И ФИЛОСОФИЯ XX ВЕКА
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ИЗДАНИЯ**

12 - 14 апреля 2009 года

Симбирск – Ульяновск 2009

УДК 008 (091) + 32.001
ББК 80+60. 22.1 г, 87.4 г

Ответственный редактор: заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук, профессор В. А. Бажанов

Книга В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и философия XX века. К 100-летию со дня издания. Материалы научной конференции. Симбирск-Ульяновск, 12-14 апреля, 2009. Издательство "Вектор - С", 2009.

Издание представляет собой публикацию материалов конференции, посвященной 100-летию со дня выхода книги В.И. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм" (Симбирск-Ульяновск, 12- 14 апреля 2009 года), на которой осмысливалось разноплановое влияние этого труда на отечественную и зарубежную философию XX века.

Издание представляет интерес для всех, интересующихся историей философии, онтологией, теорией познания и философией науки.

ISBN 978-5-88866-33-2

Компьютерная верстка В.А. Бажанова

© Авторы публикаций, 2009.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Когда появилась идея провести конференцию, посвященную столетию со дня издания книги В.И. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм", то трудно было предсказать вызовет ли ныне эта тема острый интерес: с одной стороны о т.н. ленинском этапе в развитии философии марксизма сейчас не вспоминают, равно как очень редко вспоминают и о самой книге, но с другой – этот этап и его особенности должны быть переосмыслены с высоты сегодняшнего дня, хотя и современные оценки не могут быть окончательными. Одно можно утверждать совершенно определенно: книга В.И. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм" прямо или косвенно оказала значительное влияние на философскую мысль XX века – во всяком случае, в странах Восточной Европы и Евразии, но, как показывает тщательный анализ постпозитивизма, который всегда считался своего рода антиподом марксизма, находящимся с последним в довольно жёсткой оппозиции, -- эта книга оказала влияние и в данном случае (впрочем, правомерен и вопрос обратного воздействия).

Заслуживает внимание и вопрос о том, считал ли сам В.И. Ленин "Материализм и эмпириокритицизм" совершенным и его методологию не подлежащей пересмотру. Имеются все основания отрицательно ответить на данный вопрос. Углубляясь и осваивая диалектический метод мышления он, по-видимому, как и полагает последовательному диалектику, был склонен считать, что эта книга – лишь этап, определенный конкретными задачами и конкретным уровнем его знаний и понимания. Без осознания данного обстоятельства историческая оценка работы "Материализм и эмпириокритицизм" и характера её влияния на философию XX века вряд ли будет исторически корректной и отвечающей принципу конкретности истины.

Каков характер влияния книги В.И. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм" на философию XX века? На это вопрос может быть пролит некоторый свет на конференции, которая состоится 12-14 апреля 2009 года.

Тезисов на эту конференцию поступило меньше, чем можно было ожидать. Поэтому было решено не осуществлять жёсткую селекцию материалов с точки зрения их современности и/или несовременности. Таким образом, в сборнике материалов, который вы держите в руках, представлены все точки зрения, а авторские тексты подвергались в некоторых случаях лишь незначительному редактированию. В такой композиции сборника можно усмотреть квалифицированное собрание самых разных точек зрения, связанных с оценкой философского наследия В.И. Ленина и, прежде всего, книги "Материализм и эмпириокритицизм", -- собрание, отражающее состояние умов людей, в большей или меньшей степени интересующихся историей философии в России и СССР под углом зрения её ленинской составляющей.

Ответственный редактор

ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА ПАРТИЙНОСТИ В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ В 1970-х ГОДАХ

А.А. Аверькова, alex8708@mail.ru
Ульяновск

Философская критика по своей сущности есть философско-литературное творчество на грани искусства и науки. Основной задачей данного феномена является истолкование и оценка философских произведений, трудов, статей с точки зрения современности. Кроме того, критика оказывает огромное влияние на последующее развитие философской мысли, на формирование общественной мысли и сознания. Но и сама критика формируется под влиянием историко-культурной ситуации, зависит от степени сформированности научного философского сообщества и его этоса, а также от степени его самоидентификации.

Для советского философского сообщества, и философских критиков в частности, примером служил В.И. Ленин, заложивший основные принципы критического анализа в работе «Материализм и эмпириокритицизм». Эта работа «принадлежит к тем классическим произведениям марксизма, которые являются образцом обобщающего изложения, творческого развития и конкретного применения научной диалектико-материалистической концепции» [Горский, 1979, с. 251].

В качестве ведущего принципа научной критики философской традиции В.И. Ленин выделил принцип партийности, который и лег в основу всей советской философской критики. В.И. Ленин писал: «нельзя не видеть борьбы партии в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества. Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями по сути дела, прикрываемой геллертерски-шарлатанскими новыми кличками или скудоумной беспартийностью, являются материализм и идеализм» [Ленин, 1989, с. 348]. Беря за основу своего критического анализа принцип партийности, В.И. Ленин крайне резко отзывается о каких-либо попытках мыслителей преодолеть полярность в философии. Те, кто заявляют о своей беспартийности, по его мнению, являются скрытыми идеалистами, не представляющими для науки никакого интереса: «беспартийные люди в философии – такие же безнадежные тупицы, как и в политике» [Там же]. По мнению советского исследователя И.В. Бычко, «принципом партийности определяются все остальные принципы критики» [Бычко, 1979, с. 282]. Но наполнение, понимание принципа партийности в разные периоды существования советского философского сообщества изменялись.

В 70-е годы сложилась традиция в принципе партийности выделять следующие аспекты. Во-первых, философская партийность определяется принадлежностью определенной школы к одному из двух философских лагерей, а именно – к материализму или идеализму. Во-вторых, принцип партийности определялся классовым интересом. В-третьих, предполагалось, что принцип партийности состоит в том, чтобы отделить само содержание достижений «буржуазной» науки и философии от «реакционных тенденций». В 70-е годы уделялось особое внимание не только разоблачению идеалистической сути множества школ «новейшей» философии, но и обнаружению тех путей, которыми идеализм проникает «в традиционную вотчину материализма – в среду естествоиспытателей». В.И. Ленин подвергал критике не только идеализм в чистом виде, но и позитивизм, эмпириокритицизм, махизм, которые, по его мнению, имели в основе своей идеалистическое ядро. В основе его критики четко просматривается тенденция борьбы против всех философских течений, отклоняющихся от единственно верного, по его мнению, диалектического материализма.

В этом же ключе ленинской традиции борьбы против буржуазного мировоззрения и ревизионистских тенденций в марксизме, на основе принципа партийности

продолжалась работа части отечественных философов в 60-е – 70-е годы XX века. Основные силы ряда советских ученых и философов были направлены на борьбу с антикоммунистическими, профашистскими и реакционными националистическими течениями. Также, следуя ленинским традициям, шла борьба против либерально-буржуазных и социал-реформистских искажений марксизма, против мелкобуржуазных и экстремистских его толкований. В работах советских ученых «доказывается, что методологической основой современных лжемарксистских концепций, как либерально-буржуазных, так и левозкстремистских, являются чуждые марксизму философский идеализм, субъективизм, софистика, эклектика, прикрываемые порой псевдодиалектической фразеологией» [Иовчук, 1982 с.195]. В советской литературе была дана критика таких направлений, как идеалистическая философская антропология, гуссерлианство, феноменология, неоницшеанство, тейярдизм, были созданы научные труды по критике социальной философии Франкфуртской школы.

Специфика философской критики, оценки противостоящих марксизму направлений в советской философии определялась принципом партийности. Принцип партийности выступал критерием оценки философских работ. Причем, независимо от того, какую область философского знания затрагивала данная работа, она должна была содержать критику «буржуазных» концепций, основанную на принципе партийности.

Литература

Бычко И.В. Ленинские принципы критики буржуазной философии в работе «Материализм и эмпириокритицизм» //Работа В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и актуальные проблемы марксистско-ленинской философии. Киев: Наук думка, 1979.

Горский В.С. Разработка принципов марксистско-ленинского исследования истории философии в работе В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» //Работа В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и актуальные проблемы марксистско-ленинской философии. Киев: Наук думка, 1979.

Иовчук М.Т. Ленинизм, философские традиции и современность. М.: Мысль, 1982.

Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Политиздат, 1989.

КНИГА В.И. ЛЕНИНА "МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ" И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ В XX ВЕКЕ

В.А. Бажанов, bazhan@sv.ulsu.ru
Ульяновск

Столетие со дня выхода (в мае 1909 года) книги В.И. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм" предоставляет хороший повод попытаться осмыслить значение этой книги для философии XX века. Если в советское время эта книга считалась шедевром философской мысли, краеугольным камнем философского наследия В.И. Ленина и поэтому *par excellence* не допускала какой-либо критической оценки (рецензии, увидевшие свет после её публикации, тщательно скрывались и замалчивались), то после распада СССР, эта книга, как и большая часть т.н. марксизма-ленинизма была благополучно забыта и лишь в период "перестройки" предпринимались достаточно непоследовательные попытки его критического анализа. Затем фактически всё, что относилось к марксизму и его наследию, было вытолкнуто на далёкую периферию исследовательского сознания не только в России, но и на просторах СНГ. Между тем западные учёные продолжали анализировать марксистское теоретическое наследие, включая, понятно, и труды В.И.Ульянова-Ленина.

Нынешний юбилей – удобный случай, чтобы не только вспомнить эту, прямо скажу, неординарную дату, но и, наконец, вернуться к предмету некогда слепого поклонения и постараться трезво и с рациональных позиций, с высоты сегодняшнего дня осмыслить причины и характер влияния книги В.И. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм" на философскую мысль XX века. Можно смело утверждать, что в силу ряда социально-политических условий и её содержательных моментов эта книга – одна из наиболее влиятельных книг, увидевших свет в XX столетии. *Влиятельных – прежде всего потому, что она была известна, изучалась, читалась и перечитывалась миллионами, десятками миллионов людей и воспринималась как выдающееся философское произведение*, а, стало быть, настраивала на вдумчивое и серьёзное отношение к философии и, если учитывать трактовку К. Маркса и Ф. Энгельса как великих мыслителей, а также другие труды В.И. Ленина, то волей или неволей прививало уважение общества к философской и гуманитарной мысли в целом. Уважение, которое, увы, во многом было утеряно в последнее десятилетие. А вместе с ним, замечу, утеряно и уважение к рационализму вообще. Это явная деградация интеллектуального потенциала общества, когда его "героями" становятся певички и шоу-мены, а не мыслители и инженеры.

Понятно, что знакомство с т.н. первоисточниками марксизма-ленинизма пытливым ум не могло удовлетворить полностью в том смысле, что нетрудно было заключить, что философия этими источниками вовсе не ограничивается, и надо изучать не только предшественников К. Маркса и В.И. Ленина, но и более поздних мыслителей, всё многообразие философских идей. В конечном счете, рефлексия над богатством философских и социально-политических идей и осознание убогости экономических реалий "развитого" социализма (теория предписывала одно, а практика свидетельствовала о противоположном) и привела к крушению коммунистического эксперимента, которое сопровождалось поистине тектоническими сдвигами на необъятных просторах Евразии в процессе которых перестал существовать и Советский Союз, основателем которого являлся В.И. Ленин.

Это, впрочем, вовсе не означает, что его концептуального наследие может быть предано забвению. Напротив. Идея path dependence (зависимость от предшествующего пути), столь популярная в современной политологии и экономической теории, давно известная в диалектической философии как идея преемственности в развитии, отчасти как "снятие" у Гегеля, предполагает аналитику марксистско-ленинского наследия, которое, как ни крути и не отрицай, в неявном, имплицитном виде присутствует в теоретических конструкциях сегодняшнего дня. Одним из таких базисных элементов и является книга В.И. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм". Моя задача – вовсе без претензий на сколько-нибудь исчерпывающий ответ затронуть те моменты этой книги, которые относятся к теоретико-познавательным аспектам этой книги и их развитию в последующие годы в разного рода философских направлениях, прежде всего в области философии науки. Ключевые вопросы, на мой взгляд, можно сформулировать так (хотя их круг легко расширить):

Каковы причины и основания влияния на философию XX века в целом и теорию познания в частности книги В.И. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм"? В чем оно конкретно состояло? Определялось ли это влияние политическими мотивами и/или содержательными соображениями? Какими соображениями?

Какие направления философско-методологической мысли испытали наибольшее влияние книги?

Что можно считать устаревшим в книге и что сохраняет свою актуальность?

Можно ли по-прежнему, как и в советское время, отождествлять теорию познания и теорию отражения? Что из себя представляют неотражательные операции познавательного процесса, о которых принято рассуждать в сфере истолкования познания сейчас? Противоречат ли друг другу традиционное и нетрадиционное истолкование

отношения субъекта и объекта? Какова природа активности субъекта познания и нашла ли она адекватное отражение в книге В.И. Ленина?

Какие гносеологические идеи книги "работали" в философии и гносеологии XX века?

Удалось ли автору книги предложить эффективную методологию анализа естествознания, которая использовалась в прошлом столетии и, если да, то каким образом и в каких областях естественных наук? В чем были особенности её применения в области социально-гуманитарного знания? В чем недостатки такого рода методологии с позиций сегодняшнего дня?

Понятно, что я смогу коснуться лишь небольшой части указанных вопросов.

Смысл книги В.И. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм" нельзя понять если: не учитывать 1) философскую фундированность марксизма, заложенную его создателями и связанную с проблемами отчуждения человека, истолкованием развития общества как естественноисторического процесса, представлениями о предыстории и собственно истории человечества, - проблемами и представлениями, которые имели непосредственные политико-экономические аспекты и следствия и 2) конкретные условия написания книги (период поражения первой русской революции) и очевидные *политические* цели её автора. Четко следуя традиции марксизма, В.И. Ленин не мог игнорировать "модернизацию" и, стало быть, неизбежные искажения философских оснований (ортодоксального) марксизма, которые вытекали из платформы эмпириокритицизма, развиваемого видными социал-демократами и захватывавшего в России всё более широкие слои людей, размышляющих о будущем пути развития страны и наслышанных о разворачивающейся революции в естествознании, одним из предтеч которой выступали труды Э. Маха.

В.И. Ленин в своей книге стремился восстановить аутентичное прочтение марксизма, что означало беспрекословное признание необходимости революционного слома государственной машины, а не ревизионистский по своей сути (как полагал Ленин) процесс эволюционных преобразований, который отстаивался сторонниками западноевропейской социал-демократии (видным представителем которой и являлся Э. Мах) и их российскими последователями. Единственное смещение относительно "автохтонной" позиции классиков марксизма, которое допускал Ленин, состояло в перенесении акцента с материализма на диалектику, т.е. фокус внимания переносился с диалектического *материализма* на *диалектический* материализм. Становление и развитие эмпириокритицизма было тесно связано с кризисом и последующей революцией в естествознании (прежде всего в физике) и поэтому проблемы диалектики познания получали в данном случае политическое звучание. Понятно почему архитектоника "Материализма и эмпириокритицизма" включает активную (а порой просто яростную) политическую полемику, перемежаемую философскими отступлениями (главным образом из области теории познания), которые на самом же деле носят подчиненный характер по отношению к политическим в конечном счете целям данной работы. Именно по этой причине Ленин усиленно цитирует разных авторов, предпочитая скорее не аналитический, а дескриптивно-оценочный стиль изложения (*восстановление* истинного положения дел в марксизме), он использует, так сказать, ненормативную для настоящего философского произведения лексику типа "кривляка" (по отношению к Авенариусу), "урядник" (по отношению к Г. Корнелиусу) или "философские Меньшиковы", которого Ленин называл "сторожевым псом царской чёрной сотни" (по отношению к имманентам). Короче говоря, Ленин писал не философский, а политический текст. Так он преимущественно и воспринимался вне пределов советского государства теми, кто разделял левые взгляды.

Есть все основания считать, что В.И. Ленин считал свою книгу не вполне зрелой работой в том смысле, что критика эмпириокритицизма им велась преимущественно с позиций созерцательного материализма. Когда В.И. Ленин основательнее познакомился с диалектикой Гегеля, он естественным образом должен был переоценить свой подход. В.К.

Брушлинский обратил внимание, что в "Философских тетрадах" В.И. Ленин замечает: "Марксисты критиковали (в начале XX века) кантианцев и юмистов более по-фейербаховски (и по-бюхнеровски), чем по-гегелевски" [Ленин, ПСС, Т.29, с. 161].

Левые идеи, как известно, будоражили умы (обычно в молодые годы) многих известных мыслителей, круто впоследствии менявших свои политические воззрения. Одним из таких мыслителей был К. Поппер, выдающийся философ XX века, который обычно считается родоначальником постпозитивизма. К. Поппер явился непримиримым и энергичным критиком марксизма. Достаточно вспомнить его произведения "Открытое общество и его враги" и "Нищета историцизма". Однако мало кто знает, что в 1919 году семнадцатилетний Поппер вместе с одним венгерским коллегой, хорошо знавшим русский язык, переводил "Материализм и эмпириокритицизм" на немецкий язык. И Поппер, и другие постпозитивисты (особенно И. Лакатос и П. Фейерабенд) считали Ленина одним из предтеч фаллибилизма благодаря его интерпретации в "Материализме и эмпириокритицизме" идей П. Дюгема, к которому вождь мирового пролетариата явно благоволил в силу взглядов последнего на развитие физических теорий с точки зрения познания истины, хотя и порицал за идейные "шатания". Гегель и особенно В.И. Ленин – концептуальные источники современного фаллибилизма, предложенного и развитого К. Поппером в весьма жёсткой форме (полагаю, что это мнение, на мой взгляд, упрощает реальную картину). И. Лакатос, ученик Поппера и выдающийся философ науки, развивал фаллибилизм в еще более жёсткой форме, - в форме, близкой по духу к ленинской трактовке соотношения объективной, абсолютной и относительной истины. Точка зрения фаллибилизма (в виде идей приближения к истине) у Лакатоса уже неявно присутствует в его работах венгерского, а не только английского периода, когда он собственно и переосмысливал концепцию К. Поппера. Если Поппер фактически ограничивал фаллибилизм сферой нематематического знания, то Лакатос решительно распространял его и на область логико-математического знания.

Еще в своих ранних работах (венгерского периода творчества) И. Лакатос рассуждает, упоминая Ленина, о возможности бесконечного приближения разума к объективной реальности, её неисчерпаемости, о достижениях физики, связанных с признанием принципа историзма, об его ассимиляции в естественных науках и т.п.

Более того, есть все основания утверждать, что ключевое понятие методологии научно-исследовательских программ И. Лакатоса – понятие "жёсткого ядра" заимствовано из работы В.И. Ленина "Что делать?", в которой пишется о сплоченном ядре революционеров-профессионалов и самой партийной организации (подробнее см.: [Бажанов В.А., 2008]).

На Западе В.И. Ленина считают одним из наиболее влиятельных мыслителей XX столетия хотя бы потому, что его идеи впитывались громадными массами людей, а многие люди в условиях тоталитарных режимов XX века знакомились с классической философией не по первоисточникам, а по трудам В.И. Ленина. Тот же самый И. Лакатос обычно тщательно скрывал источники своих воззрений (хотя в принципиальных случаях указывал их явно и недвусмысленно, цитируя и Энгельса, и Ленина), но почти наверняка диалектический метод осваивал не по оригинальным гегелевским произведениям, а по трудам В.И. Ленина и затем на семинаре крупного венгерского марксиста Д. Лукача (подробнее см.: [Бажанов, 2008]). Диалектическая по своей сущности методология И. Лакатоса в области философии математики (и философии науки в целом) включает марксистскую методологию (диалектическую по своему духу) в качестве базисного элемента. В какой-то степени аналогичная характеристика будет справедлива и по отношению к П. Фейерабенду, поскольку он испытал глубокое влияние со стороны Б. Брехта (комбинация элементов анархии и неуважения к "респектабельности"), а австрийского марксиста В. Холличера вообще открыто называл своим учителем.

Таким образом, можно заключить, что марксизм оказал определенное влияние на позитивизм и особенно ощутимым оно было в случае Поппера (имея в виду его

фаллибилизм) и особенно Лакатоса, диалектические основания творчества которого позволяют назвать его своего рода троянским конем по отношению не только позитивизму в целом, но и всей англо-американской философии – если особенно учесть его заслуги в распространении на Западе исторического метода в области философии и методологии науки. Если Поппер начисто отвергал принцип историзма, - один из центральных принципов диалектики, то его ученик Лакатос возражал таким образом, что "нищета историзма (в терминологии Поппера – В.Б.) лучше, чем полное отсутствие онога".

Вовсе неслучайно советские философы испытывали значительный интерес к работам И. Лакатоса и всячески искали формы контактов с ним (подробнее см.: [Бажанов, 2009])

В наши дни марксистские идеи (в том числе в интерпретации В.И. Ленина) продолжают привлекать и совсем немарксистов (не говоря о марксистах, которые не столь уж редки на Западе), например, такого модного мыслителя как Славой Жижек или последователи экстернализма (социальной истории науки) в области философии и методологии науки. Это объяснимо и понятно: если политическая составляющая марксизма-ленинизма уступила в состязании с либеральной идеей, то философская, восходя к великим предшественникам, развивавших диалектический дискурс, не потеряла своего значения как один из возможных способов рассуждения и анализа в рамках давней философской традиции, а, значит, мысленного расчленения и упорядочения мира, открытого для обогащения, переосмысления и нового концептуального синтеза с различными течениями современной мысли.

Исследование поддерживалось грантом РГНФ (№07-00-0054а).

Литература

Бажанов В.А. Диалектические основания творчества И. Лакатоса // Вопросы философии, 2008, № 9.

Бажанов В.А. И. Лакатос и философия науки в СССР // Эпистемология и философия науки, 2009, №1.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 29.

О ВЛИЯНИИ ЛЕНИНСКОГО СПОСОБА АРГУМЕНТАЦИИ И КРИТИКИ НА СОВЕТСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ СООБЩЕСТВО В 20-40-е ГОДЫ XX ВЕКА

Н.Г. Баранец
Ульяновск

Отечественное философское сообщество к 1917 году в результате длительного периода становления смогло выработать общую систему критериев ведения философских дискуссий. Представители разных философских школ имели общую систему критериев оценки креативности и, помимо качества аргументации, оценивали оригинальность и репрезентативность философской концепции, складывающейся из «осведомленности» автора или знания философской традиции, из умения автора оценивать современный философский контекст.

Пришедшие в философию представители революционной интеллигенции принесли новые, ранее не принятые, отмеченные логикой развития профессионального сообщества способы ведения дискуссий и стилистику произведений. Ориентиром для новых философов стал В.И. Ленин, с его специфической, резко полемической манерой представлять свои идеи и крайней нетерпимостью к чужой позиции. Причем не все представители старых революционеров одобряли перенесение стиля партийного спора в

философскую дискуссию. Известно, как резко выступила еще в 1909 году Л.И. Аксельрод против ленинской манеры философского спора. Вспомним, что Л.И. Аксельрод в своей рецензии на книгу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» отмечала, что тон полемики, избранной автором, не приемлем в философском произведении:

«Полемика Ильина, отличаясь некоторой энергией и настойчивостью, всегда отличалась в то же время крайней грубостью, оскорбляющей эстетическое чувство читателя... Но когда крайняя, непозволительная грубость пускается в ход в объемистом произведении, трактующем так или иначе о философских проблемах, то грубость становится прямо-таки невыносимой. Не соответствуют истине и потому именно грубы и возмутительны эпитеты, которыми Ильин награждает мыслителей из позитивистского лагеря. Авенариус – «кривляка» (с. 94), «имманенты» – «философские Меньшиковы» (с. 142), Корнелиус – «урядник на философской кафедре» (с. 256), в «ноздревски-петцольдовском смысле слова» (с. 262)... Уму непостижимо, как это можно нечто подобное написать, написавши, не зачеркнуть, а не зачеркнувши, не потребовать с нетерпением корректуры для уничтожения таких нелепых и грубых сравнений!» [Ортодокс, 1991, с. 91]. Но Л.И. Аксельрод списывала эту грубость на страстность защиты истины и революционный энтузиазм.

Революционный энтузиазм был причиной нарушения норм ведения философской дискуссии. Обычными явлениями для споров того периода стали: неуважение к убеждениям противника (презрительный тон и глумление над мнением противника); использование палочных аргументов (ссылка на контрреволюционность противника, на враждебность его позиции линии партии, на неправильную социальную платформу и т. д.); апелляция к авторитету (чаще всего авторитету Ленина или Маркса, цитата из которых являлась «последним доводом», который не кто не смеет опровергать); инсинуации (выражающиеся в намеках, подрывающих доверие у слушателей и читателей).

Кроме заимствованной манеры ведения споров и аргументации, от В.И. Ленина, в качестве определяющего принципа оценки философских концепций, был принят принцип партийности. Принцип партийности в работе «Материализм и эмпириокритицизм» В.И. Лениным был сформулирован следующим образом: «Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад» [Ленин, 1947, с. 343].

В 20-е годы к нему мало апеллировали, но имели в виду идеологический, партийный характер философии: «Идеологический характер философии, её глубокая связь с миром чувств и настроений объясняет и её исторические судьбы, своеобразный характер её развития, не укладывающегося в такой прямолинейный ряд, как эволюция науки» [Юшкевич, 1921, с. 17].

Особенное значение принцип партийности приобрел в период сталинизации марксистской парадигмы. Новое понимание в значение этого принципа внесли в ходе борьбы с деборинской группой Митин и Юдин, вульгаризировав его до следующего вида: «Нет и не может быть ныне партийности в философии, если эта философия не идет нога в ногу с партией в её борьбе за подлинную большевистскую партийность» [Митин, Ральцевич, Юдин, 1930]. В результате принцип партийности был сведен к комментированию, разъяснению решений ЦК. Представители деборинской группы протестовали против такого понимания партийности. Они предупреждали, что такое рассуждение приведет к «теоретическому ликвидаторству». И они оказались правы.

Под лозунгом обновления и усиления действия принципа партийности в философии проходили инициированные властью дискуссии по книге Г.Ф. Александра «История западноевропейской философии». Но, так как молодые участники этой дискуссии слишком буквально поняли призыв к обновлению, то от философского истеблишмента потребовалось уточнение этого принципа. В 1947 году в только что созданном журнале «Вопросы философии» появилась статья М.Д. Каммари «Принцип большевистской партийности в оценке исторических деятелей». В этой статье не смотря

на обязательную политическую риторику, угадывается новое понимание принципа партийности и стремление преодолеть установившийся вульгаризаторский подход: «Марксистский принцип партийности требует вскрытия объективного хода развития, научного анализа объективных противоречий, борьбы противоположных тенденций, точного определения характера, направления и объективного значения каждой тенденции, анализа классовых корней каждой философской теории, школы, конкретного выявления, каким общественным группам и классам служат эти школы и теории. Только на этой основе можно понять закономерность развития философии и других идеологических надстроек, найти точный, объективный, подлинно научный критерий для правильной оценки различных философских систем и отдельных философов, определить их подлинную историческую роль, значение и место в истории философии» [Каммари, 1947, с. 85].

Исследование поддерживалось грантом РГНФ №07-03-00054а

Литература

Каммари М.Д. Принцип партийности в оценке исторических деятелей// Вопросы философии. 1947. № 2.

Ленин В.И. Собрание сочинений. М.: ОГИЗ, 1947. Т. 14.

Митин М., Ральцевич В., Юдин П. О положении на философском фронте //Правда.7 июня 1930.

Юшкевич П.С. О сущности философии. Одесса, 1921.

ВЛИЯНИЕ НА ТЕОРИЮ ОТРАЖЕНИЯ ДИСКУССИЙ О ПРИРОДЕ ИНФОРМАЦИИ В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ В 1960-1980-е ГОДЫ

Н.Г. Баранец, С.Е. Морозов
Ульяновск

Теория отражения, которая была сформулирована В.И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм», базировалась на ряде положений, которые определяли основы советской марксистской парадигмы. Так, считалось, что отражение есть всеобщее свойство материи, заключающееся в воспроизведении, фиксировании того, что принадлежит отражаемому предмету. «... Логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения...» [Ленин, Т.14, с. 91.]. Любое отражение несёт в себе информацию об объекте отражения. Способность к отражению, а также характер её проявления зависят от уровня организации материи. В качественно различных формах отражения выступает в неживой природе, в мире растений, животных и, наконец, у человека.

В 1960-е годы в связи с укреплением кибернетики был актуализирован вопрос о соотношении отражения и информации. Часть исследователей пыталась определить теорию информации в терминах диалектического материализма. Сложилась группа ученых и философов считавшая, что создание электронно-вычислительных машин, способных распознавать образы, различать вещи, осуществлять формально-логические операции, вырабатывать условные рефлексы, т. е. отражать отношения вещей и ориентироваться в мире, подтверждает идею об отражении как всеобщем свойстве материи. И.Б. Новик был одним из самых активных приверженцев этой идеи, полагая, что информация есть свойство материи, а количество информации есть мера порядка отражения материи. Он и его сторонники утверждали, что информация является всеобщим свойством материи, причем, эволюция материи есть процесс накопления информации.

Против такого отождествления теории отражения и теории информации выступал ряд философов, среди которых был Н.И. Жуков, утверждавший, что нельзя считать, что информационные явления присущи всем процессам неорганической природы.

А.Д. Урсул в книге «Природа информации» (1968) с одной стороны, доказывал, что информация является всеобщим свойством материи, от простейших неорганических форм до человеческого общества, с другой, утверждал, что информация не одинакова, так как обладает качественными характеристиками.

В 70-80-е годы в связи с некоторым спадом энтузиазма в отношении ожиданий от применения кибернетики, советские философы уже не стремились интерпретировать законы марксистской диалектики в терминах кибернетики. Хотя вопросы о том рассматривать ли информацию как объективный атрибут самой материи, можно ли расположить все формы материи по шкале возрастающей информационной сложности, ведущей к человеку и его мозгу – оставались открытыми. Ленинские цитаты позволяли интерпретировать их в разном значении.

Позиции разделились. Объективным свойством материи отражение считали – Б.С. Украинцев, Н.И. Жуков, А.М. Коршунов. Потенциальным в неживой материи отражение считали В.С. Тюхтин, Е.П. Семенюк, А.Д. Урсул. Б.С. Украинцев доказывал, что информация возникает лишь в высокоорганизованной материи и связана с управлением, а неорганическая материя не обладает информацией. Эта точка зрения возобладала среди советских философов, но не имела влияния на философствовавших специалистов. А.И. Берг, В.М. Глушков стремились создать универсальную теорию информации.

Если в 1960-е годы информация рассматривалась как нейтральная сущность применимая ко всей природе, то в 1980-е годы информацию стали связывать с процессами управления в живой природе, сложными компьютерными системами, искусственным интеллектом. В результате дискуссий на эти темы сформировалось убеждение, что между сознанием человека, как качественно высшей формой отражения материи, и другими формами отражения имеется не только общее, связь, родство, но и коренное отличие. Поэтому неорганическая (мертвая) материя не может обладать сознанием, а в электронной машине нет и не может быть сознания, ибо она построена из неорганического материала. В рамках марксистской парадигмы теория, в ходе естественной логики развития теории отражения, обогащенной за счет разработки теории информации, большинство советских философы пришли к убеждению, что мышление, интеллект и способность к целенаправленному обмену и приращению информации свойственны исключительно человеку.

Литература

Ленин В.И. Собрание сочинений. М.: ОГИЗ, 1947. Т. 14.

ЛЕНИНСКАЯ КРИТИКА «ТЕОРИИ СИМВОЛОВ» Г. ГЕЛЬМГОЛЬЦА И СОВРЕМЕННАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ

В.Е. Баранов, kelembet@yandex.ru
С.-Петербург

В современной философии наблюдается увлечение феноменологией как картиной познания и сознания более удовлетворительной, чем теория отражения. Эта последняя, заявляют сегодня многие, неверна уже потому, что она в основе своей материалистична, а материализм – это традиционная, «естественная установка» в философии, которая гносеологизирует наши знания. Феноменология же стремится вырваться из связи «человек – мир» и дать человеку знание о мире, не искаженное познавательными усилиями самого человека, чистое, априорное знание.

Все это, однако, достаточно старо. Это восходит к софистам и Протагору, к субъективизму Канта и махистов. Один из вариантов подобного понимания вопроса – имманентизм теории символов Г. Гельмгольца – был подвержен критике В. И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме».

Ленин цитирует Гельмгольца: «Представления, которые мы себе составляем о вещах, *не могут быть* ни чем, кроме символов, естественных обозначений для объектов, каковыми обозначениями мы научаемся пользоваться для регулирования наших движений и наших действий». «Поскольку качество нашего ощущения дает нам весть о свойствах внешнего воздействия, которым вызвано это ощущение, постольку ощущение может считаться *знаком (Zeichen)* его, но не *изображением*. Ибо от изображения требуется известное сходство с изображением предметом... От знака же не требуется никакого сходства с тем, знаком чего он является (“Vortage und Reden”, 1884, S. 226 второго тома)» [Ленин, 1973, с. 245, 246 – 247].

«Физический смысл» этих субъективистских формул прост: в нашем индивидуальном сознании на уровне самочувствования и самоочевидности, действительно, присутствуют кажущиеся нам априорными, не взятыми из реального эмпирического мира, категории и представления, которыми мы руководствуемся не в силу их доказанности (не в силу их «гносеологичности»), а в силу их «аподиктической» значимости для нас. Такие элементы в нашем существе, конечно, имеются – это эмпирический факт. И махистский имманентизм не идет дальше фиксации этого эмпирического факта и делает вывод: мы сами творим наш мир как систему нами самими созданных знаков и т. д.

Прошло сто лет, и вернувшийся к господству в обществе социальный заказчик требует от наших современников продолжения субъективистских традиций. На этот раз возрождается гуссерлевская феноменология. Периферийный, но достаточно яркий в своей простоте пример тому – работа А. Я. Слинина «Трансцендентальный субъект». По Слинину, человек – это одинокий мыслитель, который нуждается в опоре на несомненные, аподиктические знания. «Трансцендентальный субъект возникает перед нашим взором... тогда, когда мы довели процедуру сомнения (в картезианской ли, в гуссерлевской ли редакции – неважно) до конца и приобрели феноменологическую установку сознания» [Слинин, 2001, с. 73]. Процедура «сомнения» – это трансцендентальная, или феноменологическая редукция. «После проведения феноменологической редукции весь мир природных, трансцендентных моему сознанию объектов оказывается за скобками, и я больше не имею с такими объектами никакого дела» [Слинин, 2001, с. 89].

Правда, признает Слинин, материализм утверждает, что никакие это не «объекты», это – *образы* более или менее адекватно *отражающие* реально существующие внешние объекты. Но это несерьёзно. С момента возникновения в человеческом сознании феноменологически редуцированного знака предмета то, что материалисты называют образом, а феноменология объектом – это одно и то же. И потому полученная в результате такого ноэзиса ноэма – «это никакой не «образ», а тот же самый объект». «Воображение даёт мне сами объекты, а не их образы» [Слинин, 2001, с. 90]. Поэтому в философских текстах вообще лучше было бы «не обращать внимания на встречающееся в них слово «образ» и заменить его всюду словом «объект»» [Слинин, 2001, с. 101].

Следует сказать, что автором выполняется нужная логическая и психологическая работа: процессы, описываемые им, реальны, и познание их с целью практического овладения ими тоже необходимо. Наши претензии к феноменологии начинаются с того момента, когда она *абсолютизирует* эти процедуры и считает их *достаточными* для описания духовной и практической жизни человека. Когда она сканирует из человеческого бытия только его индивидуальную эмпирию и полностью отказывает ему в универсально-системных связях и качествах. Когда она описывает человека как лишь «существо двуногое и без перьев» и настаивает на том, что это сущая правда, потому что это и в самом деле правда. Но неправда позитивизма всё же открывается, когда мы замечаем, что человек ещё и «политическое животное», и «общественное существо», и даже «образ и подобие Божье»

– и это ведь тоже правда. Правда, что мы пользуемся знаками, символами, терминами, которые создаём (подчас произвольно) и которые нам представляются аподиктически-истинными, но ведь правда и то, что мы всегда помним, что это лишь *нами созданные* знаки, и эти знаки-термины мы меняем в соответствии с углублением познания внешних предметов: *переводим их в статус образов*.

В «Материализме и эмпириокритицизме» нет критики Гуссерля, но ленинский опыт критики имманентизма махистов помогает нам преодолевать сегодняшнее увлечение феноменологией.

Литература

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. – Т. 18. М., 1973.

Слинин А. Я. Трансцендентальный субъект. Опыт феноменологического исследования. – СПб.: Наука, 2001.

КНИГА В.И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» И НЕОБХОДИМОСТЬ КРИТИКИ ПОЗИТИВИЗМА

О.А. Белёвский, obelev@mail.ru

Киев

Опубликованной сто лет назад работе В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» не повезло. В эпоху социализма она была канонизирована – со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. После падения социализма она была вычеркнута из списка шедевров философской мысли. И как нередко бывает в подобных случаях, когда политическое настроение берет верх над разумом, «вместе с водой выплеснули и ребенка». В любом случае существует необходимость выявить объективную, свободную от политических наслоений, значимость знаменитой ленинской работы.

На наш взгляд, философская значимость работы В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» заключается в том, что автор, критикуя эмпириокритицизм, выявил некоторые главные особенности позитивизма как такового – философского направления, одной из исторических форм которого была философия Маха и Авенариуса. Спустя столетие позитивизм продолжает играть важную роль в интеллектуальной жизни общества, оказывает значительное влияние на умы современной гуманитарной и особенно технической интеллигенции. Он представляет собой серьезный вызов современной гуманитарной мысли. Победа позитивизма в философии означала бы полную утрату философией ее ценнейшего универсально-всеобщего содержания, капитуляцию перед лицом стихийно развивающегося, отчужденного научного знания. С точки зрения всемирной истории позитивизм выступает идеологией отказа человечества от универсальных форм развития, победой "мещанского", технократического, антигуманного "духа" буржуазной цивилизации. Те, кто считают, что ленинская критика эмпириокритицизма неактуальна, недооценивают опасность позитивизма. Говоря об ее «устарелости», они в ленинской критике определенной конкретно-исторической формы позитивизма не видят ее универсального антипозитивистского содержания.

Парадокс состоит в том, что даже в СССР – стране, где официально признанной была диалектико-материалистическая (марксистско-ленинская) философия, -- позитивизм занимал далеко не последнее место. Известный российский философ В. Межуев верно подметил странную ситуацию, существовавшую в СССР: «...позитивистски ориентированная философия, набиравшая у нас силу также в 60-х гг., встречала у власти более благосклонное отношение, чем ее марксистская (с позиции диалектической логики) критика... Те, кто исповедовал и дух, и букву позитивизма, видели в нем последнее слово

в развитии методологии научного познания, оценивая диалектику как философскую архаику, пережиток гегельянской "метафизики", делали успешную научную и служебную карьеру» [Межуев, 1997, с.48]. Именно позитивизм (в его «диалектико-материалистической» словесной оболочке, в форме «философии и методологии науки») стал своеобразным «троянским конем» в цитадели советской диалектико-материалистической философии. В конечном счете, в рамках советской философии диалектика капитулировала перед позитивизмом (эта капитуляция стала прологом к последующей исторической трагедии, постигшей СССР). Как и почему это стало возможным? Необходимость найти ответ на этот важный вопрос является одной из тех причин, которая заставляет сегодня изучать книгу В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» с особым интересом.

Литература

Межуев В.М. Эвальд Ильенков и конец классической марксистской философии // Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков: (Книга - диалог). - М., 1997. с.47-54.

В.И.ЛЕНИН «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»: 100 ЛЕТ «ЗА» И «ПРОТИВ»

Б.В.Емельянов, В.М.Русаков, dipi@nm.ru
Екатеринбург

1. К спорам об историческом значении философии марксизма: 100-летию работы В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Несмотря на множество попыток «сдать в архив» (в т.ч. В.И.Ленина, его идеи) - продолжают споры, одни вслед за французами (А.Эткинд) говорят о «горячей памяти», другие (С. Жижек), что Ленин еще слишком близок, не «переварен». Мы оставляем в данном случае споры о личности Ленина (хорошо сказано Ю.И. Семеновым: «портреты» Ленина — «красный», «белый» и пр.) Читая предисловие, проникаешься пониманием актуальности этой книги: работа создавалась в эпоху «реакции», когда первая русская революция потерпела крушение и потому демократические и социалистические надежды и интересы были опрокинуты. Общество переживает упадок, расколы, деморализацию, разброд, ренегатство, порнография становится на место политики (См.: В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.41,с.10). В те годы правящий класс поистине «бешено мстил своему народу» за пережитый ужас (Там же, т.20, с.72). Даже беглый взгляд способен уловить мрачное сходство: искоренение всякой публичной политики — оппозиции, гражданского общества, вместо всего этого отвратительные гримасы «реал-политики» и шоу-политики, бюрократизация и коррупция достигают поистине «геркулесовых столпов», производится радикальная дискредитация всего социалистического, советского, революционного, вплоть до тотальной кретинизации общества («упразднение» Октябрьской революции, ползучая клерикализация общества, циничное извращение исторических фактов), возведение всевозможного ренегатства в ранг высшего героизма и добродетели.

2. Предметом споров являются: политическая ответственность данной идеологии и философии за «социальные эксперименты» XX в. (Типологически это соответствует проблеме «денацификации» философии Ницше и Хайдеггера. Так, кстати сказать, некоторые авторы и формулируют: Германия прошла путь глубокой денацификации и тем прошла процедуру «очищения», теперь она безгрешна. Россия процедуры дебольшевизации не проходила и потому над ней довлеет грех коммунизма. («Ленин не похоронен» — в буквальном смысле: «Тело/Дело Ленина живет!»))

3. Теоретическая состоятельность данной идеологии и философии: «устарелость» исходного категориального аппарата этой философии. Полагается, что эта философия

насквозь пронизана заблуждениями просветительского рационализма, наивного прогрессизма, наивного активизма; не учитывались уже обозначившиеся тогда тенденции социальных практик и изменений в познавательных-объяснительных процедурах в XX в., поэтому марксизм изначально стал анахронизмом, от которого, фактически, отказывались даже «продолжатели» — отсюда многочисленность «ревизионистов» (первым был — Ф.Энгельс). Утверждается, что В.И. Ленин в этом плане не был исключением, он такой же ревизионист, как и те, которых он клеймил

4. Практическая (историческая) «проверка» теоретических конструкций (прогнозов, анализа, плодотворность/тупиковость полученных результатов): предполагается, что они не выдержали проверки ходом тех исторических событий, которые пытались предсказать («капитализм не рухнул», «социализм/коммунизм потерпел поражение»); социальные силы, стоявшие за различными вариантами развития были проанализированы и оценены неверно; прогнозы оказались несостоятельными, очевидно, и теоретические истоки — недоброкачественны).

5. Ценность в исторической перспективе (отжившее, сдать в архив или очищение от наслоений): предполагается, что все фундаментальные идеологии Модерна потерпели поражение и марксизм, и коммунизм — не исключение, интерес к нему может быть скорее архивный: разбираться в деталях неудач и поражений этой идеологии в различных частных вопросах (анализе капитала, эксплуатации (иные утверждают, что это всего лишь когнитивно/концептуальная конструкция), движущих сил социальных изменений (пресловутых «пролетариев и буржуа»!), оценке природы человека и создания нового общества (например, о товарном фетишизме и отчуждении сегодня в «приличном обществе» никто не вспоминает, как будто не было 60-х гг и огромной литературы), и т.д.)

6. Различие теоретического наследия и различных практик, выдававших себя за аутентичное прочтение и интерпретацию: дело в том, что остается проблема — насколько являлись марксизмом его различные «версии» в различных странах, в разное время (бернштейнианство (социал-демократия), большевизм, маоизм, еврокоммунизм и прочие ревизионизмы), соотношение советских практик и марксистской теории; еще более острый вопрос: незавершенность, зачаточность самой марксистской теории (и философии тем более), которой зачастую искусственно придавался законченный вид и монолитность («диалектический материализм доказал», «философия марксизма открыла» и т.п.).

7. Диалектика как метод познания, наиболее эвристически ценный и продуктивный как в плане постижения свойств окружающего мира и человека, так и для практического освоения его. Сознательное бегство от диалектики сегодня является причиной катастрофического методологического бескультурья. Ленинская критика махизма и эмпириокритицизма позднее была емко сформулирована: идеализм есть только чепуха для материализма глупого, метафизического. В своей работе он реконструирует социальный и когнитивный контекст формирования проблем, на попытке решения которых «свихнулись» различные «измы». Только на почве усвоения и развития диалектики может быть решена проблема соотношения абсолютной и относительной истин, о которой проницательно говорит Ленин.

8. Принцип партийности «неожиданным» для многих образом вдруг доказывает свою жизненность: да, новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет назад!

Доискиваться до вопроса «кому выгодно» в теоретической критике стало неприлично. Но в философской теории и общественной мысли социально-классовый характер всяких воззрений сегодня просто бросается в глаза. Ленинская мысль о том, что буржуазным ученым можно верить лишь там, где они пытаются приводить факты, но никак не там, где они строят теории. Весьма ценна и продуктивна мысль Ленина о том, что надо доискиваться — «на чем, на какой проблеме споткнулась буржуазная мысль», а не перепевать на разные лады всевозможных путаников или сознательных «рыночно» (на продажу) ориентированных мудрецов, которые за деньги докажут все, что угодно (особенно с учетом того, кто платит и сколько). В отечественной философии сложился

мощный слой людей и институтов, которые абсолютно некритично «перелагают на музыку» любые поделки западной шоу- и поп-философии, с ее напускной «ученостью», жаргоном, псевдопроблемами-однодневками, трескучими продуктами, призванными эпатировать, развлечь, пугнуть. Актуальна мысль Ленина о том, что «корифеи» буржуазной философии на самом деле всего лишь наткнулись на проблемы, но неспособность сказать о них хоть что-либо вразумительное лишила их «дара речи» и они принялись создавать форму напускной и самой серьезной учености, сочинили специальный темный жаргон, которыми прикрыли, как умели, свое полное неумение объяснить – что же это такое. Немота их была обусловлена тем, что они органически не хотели(не могли) рвать с тем обществом, в котором они столкнулись с этими проблемами, а потому уходили в заузное косноязычие, темноту, жаргон, напускную ученость и иррациональность. Поскольку всякий сколько-нибудь действительно непредвзятый взгляд на эти проблемы (человека, субъекта, и др.) неизбежно выводил их за пределы данного общества — эти порядки следовало отрицать как можно более последовательно (не может быть ничего подлинно человеческого и глубокого в обществе, где все пронизано погоней за наживой). Вещное богатство ведет к реификации, превращению средств в цели, а человек превращается в средство, орудие, «игрالیще», в случае финансово-спекулятивного капитала это отчуждение и фетишизация приобретают абсолютно гротескный характер, становятся окончательно схлопнувшейся ловушкой, из которой действительно нет никакого «правильного, хорошего» выхода. Финансовый капитал безразличен к средству обогащения — в форме виртуальных «ценных бумаг» стерто до нераспознаваемости исходное начало: нефть, газ, оружие, наркотики, проституция, убийства, иные пороки людей, — поэтому он так «удобен», не надо «грузиться» причинами, источниками, какая разница, если успех измеряется деньгами!

9. Идея о том, что с каждым новым революционным открытием в науке материализм должен менять свою форму, последовательно развиваемая Лениным в работе, сегодня оказывается исключительно актуальной, в свете совершающейся научной революции приобретает многомерность. Прошедшее столетие подтвердило прозорливость ленинских размышлений о необходимости углубления и разработки марксистских представлений о материи.

ВЛИЯНИЕ РАБОТЫ В.И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» НА ДИСКУРС ФИЛОСОФСКОГО СООБЩЕСТВА В СССР

О.В. Ершова, oksiphil@mail.ru
Ульяновск

В книге В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» были поставлены глубокие гносеологические и онтологические проблемы. Проблемы поднятые В.И. Лениным в свете диалектического материализма, ценностные ориентации и ключевые принципы заданные его размышлениями – все это во многом определило идейное и институциональное развитие советского философского сообщества на многие годы.

Мы хотели бы обратить внимание на ленинский принцип партийности и то влияние, которое он оказал на нормативно-ценностный аспект и на консенсус в советском философском сообществе.

Философское сообщество как институциональное образование подчиняется определенным нормам и образцам взаимодействия ученых. Эти нормы отлагаются в системе дисциплинарного знания, в критериях и идеалах научности, формируя этос философского сообщества. Система норм должна адекватно отвечать развитию философских идей, цели сохранения и плодотворного развития философской традиции.

При этом этос философского сообщества, как и научного сообщества не имеет строго кодифицированной формы, его можно выявить из согласия ученых, в устоявшихся обычаях и т.д.

Ленинский принцип партийности стал тем внешним ценностным фактором, под воздействием которого не только изменились отношения внутри научного сообщества, но и закономерности формирования философской традиции, фиксирующей нормы и идеалы.

В чем суть принципа партийности?

На страницах своей книги В.И. Ленин, разоблачая «мнимую беспартийность буржуазной философии», прикрытую терминологическими ухищрениями и ученой схоластикой, показал, что развитие философии в классовом обществе проявляется в борьбе двух философских направлений (материализм и идеализм).

Историю философии В.И. Ленин рассматривает как борьбу линии Демокрита и Платона, подчеркивая, что философия партийна и что развитие философских идей органически связано с практикой политической борьбы. Важным в философии, по В.И. Ленину, является воинствующий характер борьбы с философией, стоящей на других идейных позициях, противоречащих диалектическому материализму. Такая направленность ленинского принципа проявилась в высокой степени политизации философского дискурса, что повлияло на форму организации дискурса (внешнюю и внутреннюю организацию философского текста). В этом можно убедиться, обратив внимание на построение текста В.И. Ленина в его книге. Например: «Но посмотрите внимательнее на это резюмирование самим Богдановым его пресловутого «эмпириомонизма» и «подстановки». Физический мир оказывается опытом людей и объявляется, что физический мир выше в цепи развития, чем психический. Да ведь это же вопиющая бессмыслица! И бессмыслица эта как раз такая, какая свойственна всей и всякой идеалистической философии. Это прямо комизм, если подобную» систему» Богданов подводит тоже под материализм: и у меня де природа первичное, дух вторичное» [Ленин, 1985, с. 300].

Очевидно, что цитата не соответствует нормам ведения научных дискуссий. С точки зрения содержания высказыванию В.И. Ленина не хватает аргументации, которая бы логически, а не эмоционально демонстрировала ошибочность осуждаемой точки зрения А. Богданова, а с точки зрения формы – уважительного отношения к научному оппоненту и его мнению. Все это свидетельствует об отсутствии в речевом поведении автора терпимости к иному рода взглядам. Кроме того, речь эмоционально насыщена, её отличает пропагандистский уклон, с огромным количеством сарказмов, снижающих метафор. Проникновение норм политической дискуссии и их санкционирование вело к снижению уровня философских работ. Провозглашенный принцип партийности в сталинскую эпоху сыграл злую шутку с советской философией, внедренный в сознание философского сообщества под воздействием внутренних и внешних факторов.

Прагматическое понимание методологической, эвристической функции философии приводило к чисто формальному, конъюнктурному использованию философских принципов. Набор мыслительных и языковых клише, правила коммуникации, стандарты рациональности задавались в канонических трудах классиков марксизма. Утрата самостоятельности исследователя в социальном аспекте привела к снижению уровня консенсуса и этоса в философском и научном сообществе. Поскольку достижение научных степеней, публикация, реализация научных открытий оказались в зависимости от властных структур, постольку логика научного спора – выдвижение гипотез, обсуждение аргументов – уступила место логике конъюнктурной борьбы. Все это обусловило падение уровня компетентности, искажение правил и норм научной коммуникации, деформации научной этики и критериев рациональности. Требование аргументированности и доказательности замещается ссылкой на авторитет партийного лидера, творческий поиск заменяется поиском цитат классиков марксизма. Тот, кто успешно демонстрирует умение критиковать товарищей, заниматься самокритикой и

критикой, подчинять личное мнение коллективному, тот доказывал свою принадлежность к партийному сообществу.

Литература

Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. М.: Наука, 1985.-350 с.

Г.

КНИГА В.И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ ПОИСКА ИДЕНТИЧНОСТИ

Жукова М.В., mmaarriinnaa87@mail.ru

Ульяновск

Поиски идентичности элементов мира происходят в разных сферах человеческой жизни. Так, социальная идентичность личности определяется как соотнесение индивидом себя с теми группами и общностями, которые он воспринимает как «свои», по отношению к которым он тяготеет по ряду признаков. «Входя в новые контексты жизни, человек непременно испытывает кризисы идентичности. Она не бывает постоянной, раз и навсегда данной..., человек не раз пытается определиться по-новому, примкнуть к новой группе идентификации. Потому идентичность «можно представить как процесс...» [Козлова, 2005, с.380]. Идентичность меняется не только в моменты приспособления человека к новым жизненным условиям, но и в течение его жизни. Она зависит, в том числе от его возрастных характеристик – психологии, богатства духовного мира, системы ценностей, да и опыта человека, который меняется с течением времени.

Русские сторонники эмпириомонизма, находились в ситуации неопределенности самоидентификации: с одной стороны они считали себя марксистами, а с другой -- работали в рамках эмпириокритицизма. «На деле,- утверждал В. И. Ленин,- полное отречение от диалектического материализма...» [Ленин,1989а, с.10].

Именно в таком своего рода кризисе самоидентификации оказалась группа русских «эмпириокритиков» начала XX в. (А. А. Богданов, В. А. Базаров, П. С. Юшкевич, Н. В. Валентинов и др.). Они предприняли попытку выдвижения программы видоизменения эмпириокритицизма путем его соединения с идеями К. Маркса. Их попытка столкнулась с резким противодействием со стороны В.И. Ленина, который критиковал их, считая, что отражает потребности самоопределения партии пролетариата в новых, изменившихся условиях социально-политической жизни.

В.И.Ленин декларировал задачу отстоять чистоту марксистской философии перед лицом сил реакции, поднявших на щит субъективно-идеалистическую философию махизма. (См.: [Горский, 1979, с.251-252]). Можно считать, что проблема сводилась к самосознанию марксизмом его собственной сущности и места, занимаемого в истории философии, и в жизни общества в целом.

Природа философии марксизма по Ленину такова, что вся она есть диалектический материализм, и в ней слиты воедино теория познания диалектического материализма и исторический материализм, а при видоизменении любой из составляющих данную философию уже нельзя считать марксистской. Ленин подчеркивал, что в философии марксизма «...вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части...» [Ленин, 1989б. т. 18, с. 346]. В шестой главе книги «Материализм и эмпириокритицизм» В.И. Ленин пишет: «Русские махисты... желают быть марксистами в понимании истории, правда, их исторический материализм «вульгарный и сильно подпорченный идеализмом», они хотят дополнить марксизм махистской философской теорией познания...» [Ленин,1989а, с.351].

Когда же русские махисты пытались видоизменить гносеологические основы марксизма (фундамент марксизма по В.И.Ленину), в то же время, оставаясь на позициях

исторического материализма, они попали в ситуацию двойственности самоидентификации. Хотя, по мнению самих махистов сложности с самоидентификацией они не испытывали, считая себя истинными марксистами. А.А. Богданов писал: «...махистом в философии признать себя я не могу... в общей философской концепции я взял у Маха только одно - представление о нейтральности элементов опыта по отношению к "физическому" и "психическому", о зависимости этих характеристик только от связи опыта» [Богданов, 200,с.121]. Таким образом, мотив создания В.И. Лениным книги «Материализм и эмпириокритицизм» может быть рассмотрен и через призму механизмов поиска идентичности тех или иных социальных групп и/или движений.

Литература

Богданов А.А. Эмпириомонизм.- М.: Республика, 2003. кн. III.

Горский В.С. Разработка принципов марксистско-ленинского исследования истории философии в работе В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»// Сборник научных трудов: «Работа В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и актуальные проблемы марксистско-ленинской философии». Киев: Наукова думка, 1979.С.251-279.

Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005.

Ленин В.И. Материализм и Эмпириокритицизм.- М.: Звено, 1989а.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений,- М., 1989б. т. 18.

ВЛИЯНИЕ РАБОТЫ В.И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» НА СОВРЕМЕННУЮ МЕТОДОЛОГИЮ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

И.В. Иванова, ivanovairina208@mail.ru

Тирасполь

Книга ознаменовала новую ступень в развитии марксистской философии. В ней Ленин подверг критике философию эмпириокритицизма; дал определение понятия материи и сознания, обладающее гибкостью, благодаря которой любое открытие ранее неизвестных и неожиданных свойств материи не может стать в противоречие с принципиальными основами диалектического материализма.

Ленин рассмотрел новые достижения науки и дал их материалистическое обобщение. В конце 19 – начале 20 вв. естествознание переживало период революции. Открытие новых свойств материального мира часть физиков восприняла как кризис, исчезновение материи и отказалась от материализма. Ленин доказал, что вся обстановка капиталистических государств мешает учёным воспринять единственно научное мировоззрение — диалектический материализм. Идеи Ленина за истекшие 100 лет получили в науке развитие и подтверждение.

Ленин показал, что, несмотря на идеалистические ошибки отдельных естествоиспытателей, принципы материализма прочно лежат в основе всего естествознания. Большинство современных ученых пришло к единой мысли о непреходящей ценности основных философских построений ленинской работы. Например, в Открытом письме десяти российских академиков говорится: «Вообще-то все достижения современной мировой науки базируются на материалистическом видении мира. Ничего иного в современной науке просто нет [Открытое письмо]».

Книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» является образцом воинствующего материализма за научное мировоззрение. «Новейшая философия, — писал

Ленин, — так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями по сути дела ... являются материализм и идеализм» [Ленин, 1967, с. 380].

Борьба за научное мировоззрение продолжается и в XXI веке. Так, 4 октября 2007 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы приняла резолюцию «Опасность креационизма для образования», которая настаивает на первостепенной важности науки. Пункты 18,19 резолюции гласят: «**18.** Исследование роста влияния креационизма показывает, что спор между креационизмом и эволюционизмом выходит далеко за рамки интеллектуальной полемики. Если мы не предпримем необходимых мер, ценности, являющиеся ключевыми для Совета Европы, окажутся под непосредственной угрозой со стороны креационистских фундаменталистов. Одна из задач парламентариев Совета Европы заключается в том, чтобы реагировать до того, как будет слишком поздно. **19.** Парламентская ассамблея настоятельно призывает государства – членов Совета Европы, и в особенности руководителей в сфере образования к следующему: **19.1.** Защищать и продвигать вперед научное знание. **19.2.** Укреплять изучение основ науки, её истории, эпистемологии и методологии вместе с изучением объективного научного знания. **19.3.** Делать науку понятнее и привлекательнее, показывать ее связь с реальностями современного мира. **19.4.** Твердо противостоять преподаванию креационизма как дисциплины, имеющей такой же научный статус, что и теория эволюции, и в целом не допускать презентации креационистских идей в какой-либо дисциплине, не являющейся религиозной. **19.5.** Продвигать преподавание эволюционизма как фундаментальной научной теории в рамках школьной учебной программы» [Резолюция ПАСЕ].

Важнейшим положением книги «Материализм и эмпириокритицизм» является доказательство того, что наука не безразлична к борьбе материализма с идеализмом. Резолюция ПАСЕ, подписанная большинством академий наук государств-членов Совета Европы, является ярким тому подтверждением. Академики Российской академии наук также заявляют: «...мы не можем оставаться равнодушными, когда предпринимаются попытки подвергнуть сомнению научное Знание, вытравить из образования «материалистическое видение мира», подменить знания, накопленные наукой, верой. Не следует забывать, что провозглашенный государством курс на инновационное развитие может быть осуществлен лишь в том случае, если школы и вузы вооружат молодых людей знаниями, добытыми современной наукой. Никакой альтернативы этим знаниям не существует» [Открытое письмо]. Труд Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» имеет огромное международное значение. Он активно служит великой цели революционного преобразования мира, оказывает значительное влияние на развитие науки и образования, способствует переходу на позиции диалектического материализма многих учёных.

Литература

Ленин В. И. Полное собрание сочинений, М., 1967, т. 18.

Открытое письмо президенту Российской Федерации В.В. Путину / Е. Александров, Ж. Алферов, Г. Абелев, Л. Барков, А. Воробьев, В. Гинзбург, С. Инге-Вечтомов, Э. Кругляков, М. Садовский, А. Черепашук
<http://www.novayagazeta.ru/data/2007/kentavr03/00.html>

Резолюция ПАСЕ №1580/2007 «Опасность креационизма для образования»
<http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta07/ERES1580.htm>

АКТУАЛЬНОСТЬ КНИГИ В.И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЗИКИ

В.Н. Игнатович, v_ignatovich@mail.ru
Киев

В главе V книги “Материализм и эмпириокритицизм”, которая называется «Новейшая революция в естествознании и философский идеализм», В.И. Ленин сделал вывод о появлении в физике на рубеже XIX–XX вв. новой школы, названной им школой «физического» идеализма, основная идея которой – «отрицание объективной реальности, данной нам в ощущении и отражаемой нашими теориями, или сомнение в существовании такой реальности» [Ленин В.И., 1968, с. 322]. Он констатировал: «...Материалистическая теория познания, стихийно принимавшаяся прежней физикой, сменилась идеалистической и агностической...» [Ленин В.И., 1968, с. 271].

Идеалистическая и агностическая теория познания оказала решающее влияние на развитие теоретической физики в XX в. Специальная теория относительности (СТО) А.Эйнштейна пришла на смену теории неподвижного эфира Г.А.Лоренца не потому, что лучше соответствовала опыту, а потому как давала более «экономное» описание фактов – обходилась без понятия эфира. В общей теории относительности реализована идея Э.Маха о создании теории гравитации, не использующей понятие материи. Создатели квантовой механики (Н. Бор, В. Гейзенберг, Э. Шрёдингер и другие) руководствовались махистским принципом, согласно которому в теории должны фигурировать только принципиально наблюдаемые величины. Так случилось потому, что творцы новой физики даже не подозревали о существовании диалектического материализма.

В СССР диалектический материализм провозглашался единственно истинной философией. Однако в 20-30-е XX в. большинство физиков в СССР, как и на Западе, разделяли махистские воззрения, а господствующее положение в философии заняли философы, плохо разбиравшиеся в физике – А.М.Деборин, А. А. Максимов, Э. Кольман, В. П. Егоршин, Б. М. Гессен и др. Не желая считаться с тем, что в начале XX в. материализм в физике неточно называли «механизмом», эти философы, – под лозунгом борьбы с механицизмом, – в середине 1920-х гг. начали войну, по сути, против материалистического течения в физике.

Постепенно в СССР сложился союз философов, называвших себя диалектическими материалистами, и физиков-идеалистов. Одним из следствий этого стали фальсификации как содержания книги «Материализм и эмпириокритицизм», так и истории физики.

Стали писать, будто Ленин в своей книге не касался сути физических теорий, а обсуждал только философские выводы из них, хотя он написал и о двух направлениях в физике, и о «шатаниях махистской физики» [Ленин В.И., 1968, с.308]. Утверждали, что появление идеализма в физике было обусловлено революционными открытиями конца XIX в. (рентгеновских лучей, электрона, радиоактивности и др.), но Э.Мах начал выступать против материализма более чем за два десятилетия до первого из этих открытий. Писали также, будто классическая физика не могла объяснить новейшие открытия, но теория Г.А.Лоренца объясняла все то, что объясняла СТО, а теория Дж. Дж. Томсона, исходившего из существования эфира и применявшего аппарат классической механики, объясняла квантовые постулаты. Часто утверждали, будто материалистическими или идеалистическими могут быть только философские толкования физических теорий, а сами физические теории всегда материалистичны, хотя В.И. Ленин писал: «Наука беспартийна в борьбе материализма с идеализмом и религией, это – излюбленная идея не одного Маха, а всех буржуазных профессоров...» [Ленин В.И., 1968, с.141].

Наконец, общепринятым стало мнение, будто механическая физика была метафизической, что, однако, не отвечает действительности. В кинетической теории

материи частицы не мыслятся без движения, свойства целого (молекулы, атома) не складываются из свойств частей, а обусловлены взаимодействием частей, развитие этой теории происходило путем диалектического соединения анализа и синтеза: в целом – веществе (молекуле) – выделялись части (частицы), взаимодействием которых объясняли свойства целого.

Господство позитивизма в физике в XX веке привело к застою в развитии теории, показателями которого является то, что уже семь десятилетий время от времени повторяются дискуссии по поводу одних и тех же основополагающих положений теории относительности и квантовой механики. Не видно конца поискам единой теории поля. Несмотря на впечатляющие успехи техники, достижения теоретической физики в XX веке были намного скромнее, чем в XIX веке, когда на основе теории тяготения Ньютона была открыта планета Нептун, а на основе теории Максвелла – радиоволны.

Литература

Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.18. М.: Политиздат. 1968. – 525 с.

«МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» - ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ

В.Ф. Исайчиков, mihmarkin@mail.ru
Москва

Среди предпосылок создания книги «Материализм и эмпириокритицизм» можно было бы предположить личные, партийные и научно-философские предпосылки. Однако такое деление противоречит «единой и неделимой» сущности личности Ленина и носит условный характер, тем более, что личное для революционера Ленина не было сугубо частным делом, а особенности формирования Ленина как материалиста-диалектика нам не известны. Можно сказать, что со своих первых работ Ленин явился сложившимся марксистом, как богиня Афина из головы Зевса – сразу взрослой, с копьем, щитом и прочими атрибутами...

Для Ленина характерно (в отличие от Маркса, Энгельса и Плеханова) позднее начало публичной философской работы (примерно через 15 лет после начала политической деятельности). Это не говорит о том, что Ленин до работы над книгой не занимался философией, но определенно говорит о том, что интерес заниматься философской работой у него был слабый: личных проблем с овладением диалектического материализма у него не было, а в партии роль философа блестяще выполнял Плеханов. Ленин недвусмысленно писал: «...меня особенно занимает в настоящее время вопрос о современном эклектическом направлении в философии и в политической экономии, и что я не теряю ещё надежды представить со временем систематический разбор этого направления; гоняться же за каждой отдельной «основной ошибкой» и «основной антиномией» ... эклектизма представляется мне (да простят меня почтенные «критики») просто *неинтересным*»(1900 г.) [Ленин, ПСС, Т.3, с 636].

Основной особенностью Ленина, как диалектика и революционера было умение определить главные направления борьбы в каждый конкретный момент и сосредоточить на этом направлении основные силы. Это относится не только к практической борьбе во время российских революций, но и к идеологической борьбе с народниками, оппортунистами, ликвидаторами, отзовистами и т.д., а также к философской борьбе. Хотя философские разногласия с махистами, «эмпириокритиками» и «эмпириомонистами» возникли у Ленина давно, он не выступал с открытой полемикой против них, доверяя её Плеханову. Внутрпартийный раскол на большевиков и меньшевиков осложнил

положение – махисты оказались и в той, и в другой части партии. Анализ истории «Материализма и эмпириокритицизма», показывает, что главной предпосылкой его создания являлась внутрипартийная борьба (в том числе на партийных съездах) не только между большевиками и меньшевиками (то есть, в первую очередь, с Плехановым), но и большевиков-ленинцев с богдановцами-впередовцами. При этом философские споры Ленина с одним из главных организаторов партийной работы во время революции 1905-1907 года Богдановым велись преимущественно лично (написанные в 1904-1906 годах тезисы «Idealistische Schrullen» с критикой философских взглядов Э.Маха и тетрадки критического разбора богдановского «Эмпириомонизма» не были опубликованы). На публичную критику товарищей по партии Ленин пошел не только потому, что Плеханов объявил большевиков ревизионистами, Ленина упрекнул в беззаботности «насчет философии», но и потому, что после поражения революции, по мнению Ленина, сложились предпосылки к внутрипартийному расколу «на почве эмпириомонизма».

Такая позиция Ленина -- не пренебрежение философскими основами марксизма или убогий практицизм, а отражение действительной роли теоретической борьбы во время восстаний, когда захватывают арсеналы и вокзалы, но не редакции философских журналов. Ленин после революции 1905 года писал: «Философией заниматься в горячке революции приходилось мало» [Ленин, ПСС, Т.47, с.141-142]; Энгельс ранее высказывался подобным образом: «Революция 1848г. ... бесцеремонно отодвинула в сторону всякую философию» [Энгельс, 1987, с. 294]. Точка зрения, что революции не время для выяснения философских споров, была тогда распространена широко. Меньшевик Ю. Ларин писал: «Можно быть не вполне последовательными марксистами, как гг. Чернов, Богданов и Нежданов, и в то же время итти практически в рамках широкой классовой партии с пользой для дела» [Плеханов, 1926, с.279]. На это Плеханов отвечал: «На эту черту в мирозерцании «большевиков» обыкновенно совсем не обращают внимания: не все ли, мол, равно, каковы *философские* взгляды *практических* деятелей? И нередко это действительно все равно. Очень многие люди так нелогичны, что характер их философских взглядов не имеет ничего общего с характером их практической деятельности. Но от этой нелогичности факт не перестает быть фактом: нынешняя философская реакция против материализма все-таки представляет собою лишь теоретическое отражение борьбы буржуазии с революционными стремлениями пролетариата. На этот счет есть у Энгельса интересная страница» [Плеханов, 1926, с.401-402].

Не только Плеханов, но в свое время и каждый профессор, и каждый студент прекрасно знали ключевой (11 тезис) из гениальных «Тезисов о Фейербахе» Маркса: «Философы лишь различным образом **объясняли** мир, но дело заключается в том, чтобы **изменить** его». Но тем и отличается доктринёр от революционера: во время революции революционер направляет усилия на достижение победы (ибо победа революции – это прекращение буржуазно-помещичьего гнёта, насилий царского режима и империалистической войны, уносящих каждый день десятки и сотни человеческих жизней), а доктринёр ищет цитаты у Энгельса.

Литература

Ленин В.И. Полн.собр. соч., Т.3

Ленин В.И. Полн.собр. соч., Т.47

Маркс К., Энгельс Ф., Избранные сочинения в 9 томах, М., Политиздат, 1987.

Плеханов Г.В. Сочинения, Т. 15, М.-Л., Госиздат, 1926.

ОППОЗИЦИЯ «НАУЧНОЕ – ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ XX ВЕКА

А.А. Касьян, anauka@yandex.ru
Нижний Новгород

Динамика политической ситуации в нашей стране определяла сначала апологетическое, а затем снобистское и нигилистическое отношение к работе В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В настоящее время возможно и необходимо объективное рассмотрение реалий отечественной философской истории в контексте ее развития и функционирования, в том числе и названного сочинения.

В деятельности В.И.Ленина философия не имела самостоятельного значения. Она была подчинена решению практических и теоретических вопросов, где практика – это прежде всего политическая деятельность, в которой идеологический момент всегда играл и играет значительную роль. Обращение к философии в 1908 году диктовалось не содержательно-философскими мотивами, а идеологическими, более того – политико-идеологическими мотивами (ситуация в социал-демократическом движении, внутрипартийная ситуация). Но хотя философия не выступала предметом чисто теоретического интереса, тем не менее, научное содержание было вплетено в идеологически-ориентированный текст. Научно-философские идеи «проросли» в рамках сочинения, имеющего политико-идеологическую направленность.

Через десять лет политика победила не только в теории, но и в практической деятельности. Марксистская философия обрела в СССР парадигмальный характер.

Среди всего комплекса идей марксистской философии определенное место занимают такие, которые можно назвать идеями к философии науки (именно так – «идеи к ...»). Среди них те, которые выражены в «Материализме и эмпириокритицизме». Причем имеется в виду не только содержательно-результативная сторона дела, но и методологические установки, явно выраженные (или не имеющие явного выражения, не сформулированные в виде каких-либо определенных принципов, но представленные и реализованные в тексте). К ним относятся: идея взаимовлияния философии и науки; идея невмешательства философии во внутренние дела науки (антинатурфилософская установка); идея разделения специально-научного видения (постановки и решения) научных проблем и философского, мировоззренческого подхода к ним, философско-научного и специально-научного осмысления развития науки; идея включенности философии в научный дискурс в ситуации кризисов и революций в науке; идея обращенности философии к анализу таких научных проблем, которые методологически значимы не только для собственно науки, но имеют мировоззренческое значение; идея обращения к философскому осмыслению научной деятельности, ее теоретических и методологических аспектов, не просто ученых, а корифеев науки. Главное, что была прочерчена и не была нарушена демаркационная линия, отделяющая естествознание и философию друг от друга. Фактически в теории была явно выражена идея союза философии и естествознания, носителями которой были многие мыслители. Другое дело – реализация идеи в будущем последователями и эпигонами. Это вопрос – функционирования философии.

Идея союза философии и естествознания могла бы стать основанием для построения отношений между философией и комплексом социально-гуманитарных наук. Но она не нашла продолжения в сфере социально-гуманитарного знания. Социальная философия марксизма сыграла в отношении социально-гуманитарных наук не ту роль, какую играла философия естествознания по отношению к наукам о природе. Союз философии и социально-гуманитарных наук в отечественной науке XX века не сложился в силу притязаний носителей социальной философии на монопольное положение и авторитарную роль в науке. Иллюзия, что достаточно общей социально-философской

теории (причем нередко в ее догматизированном, примитивизированном варианте) для осмысления всего круга идей и проблем социально-гуманитарных наук, оказалась пагубной и для самой философии, и для наук об обществе, культуре, человеке.

В развитии противоречия (научное – идеологическое), характерного для философии в СССР, были разные стадии. Одна из сторон противоречия могла выходить на передний план и доминировать по отношению к другой. Но никогда одна из противоположностей не существовала как единственно возможная. Апогей развития этого противоречия с точки зрения его внутренней напряженности, яркости выражения, многогранности проявлений, внешнего резонанса (представленность в общественном сознании, культуре эпохи) относится к концу 40-х, началу 50-х гг. XX века – период дискуссий в области философии, биологии, физиологии высшей нервной деятельности, политической экономии, языкознания, химии (См. об этом: «Идеология и наука: дискуссии советских ученых середины XX века». М., 2008. Отв. редактор А.А.Касьян).

В современной литературе, посвященной истории советской науки, в частности, философии, отмечается, что из всего комплекса философских наук, несмотря на имевшее место по отношению к ним идеологическое давление, мировому уровню развития отвечает философия науки. Вектор движения в этом направлении определен комплексом идей марксистской философии, относящихся к науке, в частности, представленных в работе В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Значит, эта парадигма не является чисто идеологической, но также и научной. Более того, имеющей основательный и перспективный эвристический потенциал.

КНИГА В.И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» И ИДЕОЛОГИЗИРОВАННАЯ НАУКА В СССР

А.М. Конопкин, netspider@yandex.ru
Ульяновск

В данном выступлении делается попытка осмыслить связь ленинской философии и возникновения идеологизированной науки в СССР уже в период последующего существования советской власти. Почему книга Ленина оказала двойственное влияние на науку? Что из книги Ленина актуально для современной теории познания? Почему некоторые критикуемые Лениным теории познания живы и развиваются, в то время как марксизм-ленинизм едва ли не потерпел крах?

Выдвигаются следующие тезисы:

- 1) Необходимо разделять Ленина как человека, высказывающего философские идеи, и Ленина-политика, идеолога.
- 2) Книга Ленина была написана преимущественно по политико-идеологическим мотивам раньше времени и поэтому как философское произведение имела намного меньшую силу и ценность, чем могла бы при публикации через 6-10 лет позднее.
- 3) Несовершенство философских взглядов Ленина в 1908 году привело во многом к поверхностной критике идеалистических теорий познания и излишней категоричности, что сильно снижает ценность книги как философского произведения, так и как изложения марксистско-ленинской теории.
- 4) Несовершенство взглядов Ленина, а также утверждение принципа партийности имело тяжелые последствия для отечественной науки.
- 5) Дальнейшая философская эволюция Ленина вела к сближению его позиций с другими теориями познания.
- 6) Поэтому плодотворным представляется рассмотрение соотношения более законченной системы марксизма-ленинизма с западными теориями познания, критикуемыми Лениным.

7) Хотя Ленин максимально затруднил извлечение идей его книги, имеющих непреходящее значение, таковые идеи там есть, хотя они и имели специфическое происхождение, и долг российского философского сообщества в том, чтобы точно определить в книге Ленина как то, что никогда не должно повториться, так и то, что имеет всемирное значение. Это важный шаг для самоидентификации философского сообщества и отношения к прошлому.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕОРИИ ОТРАЖЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ

Л.И. Копытова
Ульяновск

Диалектические и метафизическое отрицание, как известно, отличаются тем, что первое сохраняет из отрицаемого позитивные моменты. Отказавшись в 80-е годы XX столетия от философии марксизма как идеологии и теории построения коммунизма, единственно верной и непререкаемой в трактовке КПСС, многие исследователи философии отбросили и то позитивное, что содержал и поныне содержит в себе развития философия марксизма. Коснулось это и теории отражения как основы теории познания, принципы которой были сформулированы в работе В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

В Новой философской энциклопедии в разделе «Отражение» даётся критический анализ теории отражения. Она признаётся догматической, не соответствующей уровню современного понимания сознания и познания. Разделы «Познание» и «Сознание» излагаются вообще без употребления термина отражение, акцент делается на культурно-историческом контексте познания. На наш взгляд, это не объясняет полностью ни сам процесс познания, ни его результаты, а главное, не объясняет онтологических основ познания, диалектику субъекта и объекта познания, связь процессов взаимодействия познания, сознания, знания. Автор данного раздела пишет: «Термин отражение является весьма неудачным, ибо вызывает представление о познании как о следствии причинного воздействия реального предмета на пассивно воспринимающего его субъекта» [Новая философская энциклопедия, 2001. Т. 3. с.179]. Однако подобное представление во все времена использования теории отражения считалось односторонним и во всех работах подчёркивалась активность отражения, его избирательность, зависимость от уровня развития познающего субъекта, т.е. его субъективности, его включённости в практическую деятельность. А.Н. Леонтьев в работе «Деятельность, сознание, личность» пишет, что «психологическое отражение реальности есть её субъективный образ», который означает принадлежность образа реальному субъекту жизни, а понятие субъективности «включает в себя указание на его активность». «Психический образ есть продукт жизненных практических связей и отношений субъекта с внешним миром» [Леонтьев, 1977, с.55-56].

В 2002 году в учебном пособии «Двадцать лекций по философии», посвящённом воспитанникам и последователям уральской философской школы, И.Я. Лойфман, опираясь на ленинское высказывание «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [Ленин, Т.29. С.194] указывает, что гносеологическая модель представляет собой «субъект-образ-объект», звенья которой обусловлены практически. «В рамках этой гносеологической модели сознание и возникающие в нём образы раскрываются тройко:

1) в отношении к объекту... сознание есть предметное осознание бытия, идеальное отражение объекта субъектом;

2) в отношении к практике... сознание есть оперативное осознание бытия, идеальное преобразование субъектом объекта, осознание ситуации деятельности, её целей, средств и условий;

3) в отношении к субъекту... сознание есть оценочное осознание бытия, идеальная оценка субъектом его отношения к объекту и к ситуации деятельности» [Двадцать лекций по философии, 2002, с.92].

Всё вышесказанное подтверждает мысль, что теория отражения в трактовке её последователей и разработчиков не столь ограничена и догматизирована. А ленинские положения, изложенные в общем виде при защите материалистической теории познания в работе «Материализм и эмпириокритицизм» развиты и достаточно чётко обозначают активную роль субъекта в познании.

Процесс изучения философии в высшей школе в рамках классической модели образования базируется на лекционном материале, изучении первоисточников и учебников, количество которых в послеперестроечное время резко возросло. Проанализировав наиболее известные из них, можно с полным основанием сказать, что рассмотрение сознания, форм познания подавляющее большинство авторов явно или неявно дают, опираясь именно на теорию отражения. В одном из первых учебников периода перестройки «Введение в философию» (под ред. Фролова И.Т. 1989) в главе «Сознание» прямо указывается на развитие форм отражения, как генетической предпосылки сознания, а идеальность образов трактуется как «специфические свойства, характеризующее предметную направленность, отнесённость к предметам объективного мира, результатов психического отражения как определённого способа организации, регуляции вполне материального взаимодействия живых существ с окружающим миром» [Введение в философию, 1989, с.303]. Авторы учебного пособия «Философия» под ред. В.П. Кохановского раздел «Познание» начинают с определения сознания как осознанного бытия, выраженного отношения человека к своему бытию, знания как объективной реальности, данной в сознании человека. Познание трактуется как обусловленный, прежде всего исторической практикой, процесс приобретения и развития знания, его постоянное углубление, расширение, совершенствование [Философия. Под ред. В.П. Кохановского, 1998, с. 419]. Раскрывая состав, структуру и динамику знания, авторы этого учебника выделяют чувственное познание и разум (диалектическое мышление), а все формы познания, начиная с ощущения и кончая умозаключением, определяют как формы отражения в сознании человека, субъекта, внешнего мира [Там же, с.457-464].

А.С. Кармин и Г.Г. Бернацкий в учебнике для студентов и аспирантов «Философия» (СПб., 2001), анализируя философские взгляды на сознание и выделяя религиозную, идеалистическую трактовки, гилозоизм, пантеизм, акцент делают и далее развивают трактовку сознания как продукта развития материи, «потенциальным зародышем» которого является свойство отражения [Кармин, Бернацкий, 2001, с.103]. Выделяя добиологическую форму отражения, раздражимость, психику животных в виде оперативного интеллекта, перцептивной и сенсорной, высшим этапом отражения называет сознание, атрибутами которого они считают субъективность, предметность, идеальность, рефлексивность, объективируемость [Кармин, Бернацкий, 2001, ч.2, гл.6, пар.6.2.2.-6.2.8, с.94-120]. Аналогично изложены проблемы сознания и познания в учебниках Спиркина А.Г. «Философия», М., 2002, В.В. Ильина «Философия», М., 1999 и др.

Заклячая рассуждение о том, что и поныне теория отражения лежит в основе понимания сознания, познания, его форм в учебной литературе, обратимся к учебнику «Философия» под ред. В.Н. Лавриненко и В.П. Ратникова, (М., 2001) в котором авторы отмечают, что принцип отражения, используемый с XVII в. для истолкования сознания, претерпел серьёзную эволюцию. «Но более удачного аналога взаимоотношений сознания с внешним материальным миром пока нет». «Отражение» сознанием объективной реальности понимается не как буквальное (зеркальное) её воспроизведение, а как установление некоей согласованности, совпадения узловых, существенных моментов

материального мира и его идеальной проекции» [Лавриненко, Ратников, 2001, с.402-403]. Идея отражения в представлении данных авторов хороша ещё тем, что позволяет рассмотреть эволюцию сознания, понять его как более сложную форму отражения действительности, «присущую только человеку способность целенаправленно и обобщённо воспроизводить действительность в идеальной форме, обеспечивающей возможность как свободной ориентации в окружающей среде, так и её преобразования в процессе предметно-практической деятельности» [Лавриненко, Ратников, 2001, с.404]. Из многочисленных свойств сознания они выделяют идеальность, интенциональность (предметность и направленность сознания), креативность – способность создавать нечто новое, не возникающее в материальном мире естественным порядком. Роль сознания в бытии человека выражается в её функциях: ориентирующей, познавательной, целеполагающей, регулятивной, контролирующей, креативной (созидательной), аксиологической, прогностической и др.

Таким образом, для современного студента в подавляющем большинстве учебного материала понятия взаимодействие, отражение, познание, субъект и объект познания, сознание, знание вполне правомерно представлены как единая цепочка и позволяют изучить сложный процесс познания человеком мира и его творческое преобразование.

Литература

Введение в философию. Под ред. Фролова И.Т. Т.2. М.: Изд-во Политическая литература. М.: 1989.

Двадцать лекций по философии. Екатеринбург, 2002.

Ильин В.В. Философия. М.: Изд-во Академический проект, 1999.

Кармин А.С., Бернацкий Г.Г., Философия. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург, 2001.

Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Полн. собр.соч. Т.29.

Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1977.

Новая философская энциклопедия. Т.3. Раздел «Отражение». М., 2002.

Спиркин А.Г. Философия. М., 2002.

Философия. Под ред. Кохановского В.П. Р.-на-Д.: Изд-во Феникс, 1998.

Философия. Под ред. Лавриненко В.Н. и Ратникова В.П. М.: Изд-во ЮНИТИ, 2001.

АПОРИИ КОНЦЕПЦИИ ОБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В.В. Крюков, krukov@fgo.nstu.ru

Новосибирск

Прежде чем обозначить и охарактеризовать оформившиеся в указанной литературе позиции, следует, вероятно, высказать некоторые соображения о концепции материи как объективной реальности в целом. Эта концепция неоднократно подвергалась критике извне, особенно настойчивым противником был, скажем, неотомист Г. Веттер, а также вызвала сомнения изнутри и породила попытки развить её и дополнить, что приводило к различным вариантам и последующим дискуссиям вокруг них. Какие же пункты этой концепции представлялись её слабостями, её уязвимыми местами - теми брешами, которые одни стремились расширить, а другие заделать?

Первая и очень существенная трудность заключается в том, что понятие объективной реальности с необходимостью предполагает существование субъективной реальности, относительно которой в нашей литературе нет никакой ясности. Единственной общей для всех констатацией является утверждение о том, что она вторична и представляет собой копию, оригиналом которой является объективная реальность.

Вторая трудность возникает, когда понятие субъективной реальности связывается с сознанием и рассматривается в качестве свойства высокоорганизованной материи. Получается весьма громоздкая теоретическая конструкция, в которой материя противопоставляется своему собственному свойству, присущему лишь одному (самому сложному) уровню ее организации. Существенное возражение такому построению состоит в том, что указанное противопоставление не может интерпретироваться с позиций онтологии, так как это приводит к удвоению реальности.

Выход вроде бы заключается в том, и на этом настаивал сам В.И. Ленин, что указанное противопоставление имеет смысл исключительно в рамках гносеологии [Ленин, с.149]. Но в этом случае окажется, что центральное понятие онтологии не может быть определено в её собственном понятийном аппарате и требует выхода за рамки предметной области философии природы. Тем более, что отношение “оригинал - копия” с необходимостью приводит к вопросу о способе существования “копии” безотносительно к её содержанию, т.е. к вопросу об онтологическом статусе субъективной реальности, что само по себе является сложнейшей проблемой и составляет предмет специального исследования.

Третья трудность заключается в том, что определение материи как объективной реальности имеет экстенсивный характер. Материей называют попросту “всё то, что не есть мой внутренний мир”. Но это означает, что такое определение для самой по себе реальности является чисто внешним: оно задается через отношение к иному и поэтому никак не может выражать собственную природу реальности; и, кроме того, такое определение есть отрицательное по существу: объективно все то, что не субъективно.

Отрицательность такого определения увеличивается на порядок в свете того обстоятельства, что онтологические характеристики субъективного совершенно неизвестны в рамках рассматриваемой концепции, поэтому непонятно, чему следует противопоставлять реальность мира вещей.

Наконец, четвертая трудность концепции объективной реальности заключается в том, что эта концепция недиалектична, хотя и сформулирована в философии диалектического материализма, а, напротив, совершенно статична: чисто гносеологическое отношение внешнего мира к внутреннему, материи к сознанию в принципе выступает как “вечное”, неустранимое, константное, пока вообще существует человек с его познавательной деятельностью.

Таковы лишь самые принципиальные пункты критики концепции материи как объективной реальности. Из этих пунктов вытекает масса следствий, порождающая множество подпроблем. Может ли вообще свойство в каком бы то ни было отношении быть противоположным той сущности, которой оно принадлежит? Если субъективная реальность есть свойство объективной реальности, то каков её онтологический статус безотносительно к содержанию? Как можно интерпретировать определение материи как объективной реальности в ситуации отсутствия субъекта, когда его еще нет, уже нет или просто нет? Как быть тогда, когда самим актом восприятия субъект изменяет внешний по отношению к нему фрагмент действительности, как это имеет место во взаимодействии прибора с физической реальностью?

Следует также заметить, что ленинское определение имеет частный характер и с его позиций не решается проблема субъективной реальности, а это - угроза принципу материального единства мира. Хотя сам В.И. Ленин афористично высказывался в том смысле, что идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами. Можно показать, что идея вообще существует для другого человека только тогда, когда она опредмечивается в слове, в тексте, в знаке, иными словами - овеществляется, материализуется.

В этой связи уместно вспомнить, а В.И. Ленину как твёрдому и последовательному марксисту это было бы тем более уместно, известный афоризм К. Маркса о том, что язык есть материя мысли. Вообще никакой образ не может существовать вне воплощения в

каком бы то ни было материале: информация должна быть нанесена на тот или иной носитель, и нет никакой информации “в чистом виде”, *per se*. Так ведь уже у Аристотеля не могло быть бестелесных форм, за исключением разве что Бога.

Литература

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.18.

МАТЕРИАЛИЗМ, ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ И ОНТОЛОГИЯ

А.Ф. Кудряшев, philozof@mail.ru
Уфа

Книга В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» для отечественных философов XX века объективно послужила источником ряда философско-методологических идей и установок. Разумеется, ее значение простирается и за рамки философии, тем более что первоначально она создавалась автором с политическими, партийными целями: предотвратить назревавший раскол возглавляемой В.И. Лениным партии по причинам теоретико-философского характера. Среди концептуальных положений книги, активно воспринятых в советской философии, мы выделим следующие, прямо относящиеся к философской онтологии: 1. Так называемое Ленинское определение материи; 2. Идею отражения как всеобщего свойства материи; 3. Анализ и оценку кризиса в физике на рубеже XIX – XX веков.

Ленинское определение материи. Ту формулировку, которую принято называть Ленинским определением материи, сам В.И. Ленин так не называл: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них». Данное предложение обычно сочетают с теми высказываниями автора книги относительно объективности, где утверждается существование материи не только независимо от, но и вне человеческого сознания. Очевидно, что В.И. Ленин использовал при этом работы своих философских предшественников: французских материалистов XVIII века и Ф. Энгельса. В частности, последний писал, что «материя есть создание чистой мысли и абстракция». Скорее всего, именно поэтому в вышеприведенной фразе из «Материализма и эмпириокритицизма» говорится, что материя есть *философская категория*. Вместе с тем материя и объективная реальность, отличающаяся от идеальной объективной реальности тем, что она «дана человеку в ощущениях его». Ощущения отображают объективную реальность, создавая адекватную ей картину. Впоследствии советские философы расширили использовавшееся В.И. Лениным понятие ощущения (что объясняется контекстом содержания книги, составляемым учением Э. Маха о нейтральных элементах) до понятия сознания. Поскольку В.И. Ленин формулирует приведенное положение на основе противопоставления материи и ощущений, то Ленинское определение материи принято считать гносеологическим определением. В то же время онтологическое понимание материи здесь прослеживается в весьма неопределенном виде. Не случайно остались возможности для различных толкований онтологического смысла категории материи. Так, А.И. Юрченко, опираясь на свою теологическую подготовку, интерпретировал Ленинскую «объективную реальность» как совокупность вещей. (Более подробно о разночтениях в понимании материи см. в работах Д.А. Нуриева).

Отражение как всеобщее свойство материи. Данное положение предлагает определенный выход из затруднительной ситуации, когда на материалистической основе пытаются объяснить происхождение сознания из материи. В.И. Ленин предположил

существование свойства, аналогичного сознанию и присущего всей материи, которое, по его мысли, объяснило бы, откуда исторически появляется сознание человека. В советской философии эта мысль была развита в соответствии с различиями в уровнях организации материи. Так, А.В. Маргулис ввел следующие уровни отражения: взаимодействие, активность, сознание. Между тем, проблема происхождения сознания по понятным причинам так и осталась проблемой, поскольку вместо одного необъяснимого разрыва между неживой природой и сознанием возникло два разрыва, не менее необъяснимых. Один из них - между неживой и живой природой, другой – между миром растений и животных и социальным миром (с входящими в него человеком и обществом).

Кризис в физике. Произведенный В.И. Лениным анализ сложившейся на рубеже веков в естествознании ситуации впечатляет в достаточной степени. Во-первых, автор не был физиком. Во-вторых, Т. Кун спустя полвека в определенной мере повторяет то, что изложено в «Материализме и эмпириокритицизме». Повторяет не во всем, а в том, что относится к понятию научной революции (революции в физике). Конечно, Т. Кун идет дальше и строит свою модель развития науки. Но, тем не менее, о революции в науке В.И. Ленин заговорил гораздо раньше. Профессионального, с точки зрения физика, анализа и проникновения в то, что, собственно, и называется физической реальностью, у него не могло состояться, так как для этого не было и объективных, и субъективных предпосылок. Сам же кризис в физике объяснялся не только гносеологическими причинами, но и чисто онтологически: неисчерпаемостью материи вглубь. Важное методологическое значение этой идеи постоянно подчеркивалось в философии диалектического материализма и в том, что называлось философскими проблемами естествознания.

Таким образом, можно заключить, что, по крайней мере, три указанных положения работы В.И. Ленина инициировали многочисленные интерпретации и получили свое развитие в марксистской философии XX века. В СССР и социалистически ориентированных странах находились люди, догматизировавшие то, что было высказано «вождем мирового пролетариата». Но нельзя отрицать, что были и те ученые, в том числе философы, которые творчески подошли к содержанию книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

ЗНАЧЕНИЕ КНИГИ В.И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Е.В. Кудряшова, zya-zyamba@rambler.ru
Ульяновск

Советская философия представляет собой особый феномен, для которого характерны особые нормы философствования и методологические предпосылки. Одной из норм советского стиля философствования является обязательная отсылка к классикам марксизма-ленинизма, которая была показателем приемлемости (легитимности) каждого философского исследования. Эта особенность определяла, с одной стороны – весьма высокий интерес к работам классиков марксизма-ленинизма и их авторитетным комментариям, с другой стороны – стала стимулом философской коммуникации. Одной из «классических», определяющих содержание и форму философских исследований, считалась работа В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

Осмысление значения работы «Материализм и эмпириокритицизм» велось по нескольким тематическим направлениям: как одного из эталонов борьбы против идеализма и ревизионизма; как одного из источников материалистической теории познания; как источника научной концепции истины; как «реvizора» между научными концепциями и ненаучными; как доказательства научной и мировоззренческой ценности философской науки и т.д. В развитии советской философии отношение к работе менялось,

что отразилось, во-первых, в том, что в разные периоды философское сообщество ставило акцент на одном или другом аспекте осмысления, во-вторых, на величине интереса к самой работе, что весьма выразительно показывает количество конференций, семинаров, посвященной этой проблеме. Весьма показательными в этом плане являются юбилей работы.

В конце 40-х гг., в период, когда советский стиль философствования уже оформился, советское философское сообщество отметило 40-летний юбилей работы. К этому периоду оформилась два главных аспекта ее осмысления: как образца того, «как надо вести наступательную борьбу против идеализма и идеалистических шатаний» (Митин, 1949, с. 83), в первую очередь в науке; и как средства осмысления новых тенденций в науке.

В конце 50-х гг., внимание к этой работе В.И. Ленина повысилось, в силу декларирования возвращения к ленинскому наследию, и в советском философском сообществе укрепилась идея о том, что в «Материализме и эмпириокритицизме» «в сущности, освещены коренные принципы марксистского мировоззрения» (Розенталь, 1959, с. 18), в том числе гносеологическая концепция, которая позволяла решить кризисные вопросы естествознания и даже предсказать направление развития науки; принципы материалистического понимания истории. Кроме того в этот же период оформляется идея сотрудничества науки и философии, которая «должна была вмещать в себя плоды новейшей научной революции, переплавить их в соответствующие философские понятия и категории» (Розенталь, 1959, с. 20).

Анализ крупных конференций, проходивших в этот период, показывает, что в советской философском сообществе большую роль начинает играть проблема связи науки и философии. Особенно отчетливо эта особенность прослеживается на менее тенденциозных конференциях. На заседании методологического семинара Физического института АН СССР, посвященными значению книги В.И. Ленина для современной физики, выступил Г.Б. Жданов с докладом «Ленин и современная физика», в котором подробно остановился на философском истолковании некоторых узловых проблем физики. В.Л. Гинзбург в докладе «Об интерпретации квантовой механики» отметил, что специальные вопросы физики не могут быть решены исключительно в рамках гносеологических соображений, и потому философ должен быть очень осторожным и внимательным, когда речь идет об естествознании. «Материализм и эмпириокритицизм» в этом плане является показательным, так как В.И. Ленин умело отличает философские вопросы от физических, и проявляет уважение к фактическому материалу. Эти конференции показывают, что советское философское сообщество пыталось определить грань между философией и естествознания, опираясь на работу В.И. Ленина.

В 60 – 70-х гг. философская обстановка меняется. В этой связи «Материализм и эмпириокритицизм» перестает быть «гносеологическим указанием» для ученых, но становится средством сближения философии и науки. Отчетливо эти тенденции проявляются на конференциях: профессиональное философское сообщество оказывается равнодушным к официозным мероприятиям, а конференции, посвященные юбилеям, отличаются концептуальной содержательностью. К концу 70-х эта тенденция в советском философском сообществе закрепляется окончательно. Осмысление работы ведется по двум основным направлениям, во-первых, как один из классических трудов по марксистской теории познания, в котором формируется концепция отражения, во-вторых, как один из классических трудов, в котором формируется материалистическое понимание истории.

Таким образом, значение работы в истории советской философии меняется, причем это изменение продвигается от осмысления значения самой работы в идеологической борьбе к осмыслению работы как средства понимания частных гносеологических проблем.

Литература

Казютинский В.В., Шелепин Л.А. Методологические семинары и доклады, посвященные книге В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» // Вопросы философии, 1959, №9. С. 166-169

Митин М.Б. «Материализм и эмпириокритицизм» В.И. Ленина и борьба против современной идеалистической реакции// Вопросы философии, 1949, № 1. С. 60-84

Розенталь М.М. Великий вклад в марксистскую теорию познания// Вопросы философии, 1959, № 5. С. 18-32

ДИСКУССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ФИЛОСОФИИ

С.В. Куревина, naukaNGPU@yandex.ru

Нижний Новгород

В сталинские времена положение марксистской философии характеризовалось жесткой идеологической вовлеченностью. Перед властью стояла задача – выработать устойчивые социально-психологические стереотипы общественного сознания. Это было возможно лишь при условии охвата всех сфер духовного производства – морали, искусства, философии, науки. Адаптация идеологии к массовому восприятию предполагает ее выражение в сжатых лозунговых формах, разъясняющих расстановку сил, направленность и условия эффективности социальных действий. Подобному идеологическому препарированию подвергались основные произведения марксистской литературы, в том числе и книга В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

В связи с этим возникает вопрос о мере ответственности марксистской философии за негативные процессы в духовной атмосфере сталинской России. Ответ на этот вопрос предполагает анализ соответствия между идеологическими клише и исходными философскими текстами.

История отечественной науки 30^х – начала 50^х гг. XX в. изобилует дискуссиями с явно выраженной философско-идеологической компонентой. Дискуссии были посвящены различным частно-научным проблемам, разрешение которых требовало высокой *профессиональной* компетенции. Тем не менее научное сообщество лояльно относилось к участию философов в этих кампаниях, к философско-мировоззренческой аргументации дискуссионных вопросов. Несомненно, что одним из источников, сформировавших установку научного сообщества на диалог с философией, была работа В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Однако при переводе ленинских идей из теоретической сферы в контекст конкретных научных ситуаций произошло их существенное искажение. Можно критиковать позицию В.И.Ленина за нарушение дискуссионной этики, навешивание «ярлыков», схематизм и упрощенчество в трактовке идей оппонентов и т.п. Но нельзя не признать, что в работе «Материализм и эмпириокритицизм» он излагает собственные продуманные взгляды; что его критические аргументы основаны на хорошем знании анализируемых частно-научных теорий (насколько это возможно для непрофессионала); что его критика касается не вопросов истинности, приемлемости конкретных научных фактов, теорий, а лишь философских интерпретаций научных знаний.

Использование работы «Материализм и эмпириокритицизм» в качестве образца для выстраивания отношений между наукой и философией свелось к установке: философия может и должна оценивать научные идеи с точки зрения их истинности, приемлемости. В ходе самих дискуссий и в общей идеологической атмосфере сложились устойчивые «идеологемы»: наука есть сфера борьбы двух идеологий, и потому она делится на прогрессивную и буржуазную; в изложении истории науки недопустим

«объективизм»; необходимость борьбы с «безродным космополитизмом», «преклонением перед Западом». Истоки этих идеологических штампов вполне можно усмотреть в тексте «Материализма и эмпириокритицизма», где прослеживается логическая схема: философия всегда партийна, наука связана с философией, следовательно, наука также партийна.

Использование классических марксистских текстов, в том числе и книги В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», для создания тоталитарной идеологии не отменяет их философской значимости. Французский философ и социолог Р.Арон справедливо отмечал, что «всякая теория, стремящаяся стать идеологией политического движения или официальной доктриной государства, должна поддаваться упрощению, для простаков, и усложнению, для снобов» [Арон, 1993, с. 152].

Литература

Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Издательская группа «Прогресс» - «Политика», 1993. – 608 С.

О ФИЛОСОФСКОЙ КРИТИКЕ НАУКИ (А. ПУАНКАРЕ И В.ЛЕНИН)

А.Б. Макаров, Galina@nts.hippo.ru
Самара

Нобелевский лауреат, физик Ричард Фейнман писал в своих знаменитых лекциях: «Эти философы всегда топчутся около нас, они мельтешат на обочинах науки, то и дело порываясь сообщить нам что-то. Но никогда на самом деле они не понимали всей глубины и тонкости наших проблем» [Фейнман, 1965, с.24]. В его словах содержится значительная доля истины. Но Фейнман, серьезно относившийся к философским проблемам физики, вполне возможно, понимал, что этот упрек в не меньшей мере может быть отнесен к самим ученым, вторгшимся в сферу философии. «Ученым невеждой» назвал Ортега-и-Гассет того, кто со всем апломбом специалиста рассуждает за пределами своей профессиональной области. И это тем более опасно, что мнение ученого, подкрепленное авторитетом науки, в общественном сознании пользуется высоким авторитетом и доверием.

На самом деле, мало кто сомневается в том, что наука и философия не разделены пропастью, имеют глубокое внутреннее единство и совместная работа ученых и философов на общей территории эпистемологии и философии науки взаимно необходима и плодотворна. Дело лишь в осознании каждой из сторон меры своей компетенции и ответственности. Собственно философский анализ науки, новых научных теорий и открытий может совершаться лишь в рамках философской же проблематики, с т.з. их мировоззренческого и общеметодологического смысла. Это не критика науки, а анализ её оснований и интерпретаций. В своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» В.И.Ленин заявляет эту позицию со всей определенностью: «Само собою разумеется, что, разбирая вопрос о связи одной школы новейших физиков с возрождением философского идеализма, мы далеки от мысли касаться специальных учений физики. Нас интересуют исключительно гносеологические выводы из некоторых определенных положений и общеизвестных открытий ... Мало того, среди физиков имеются уже различные направления, складываются определенные школы на этой почве. Наша задача поэтому ограничивается тем, чтобы отчетливо представить, в чем суть расхождения этих направлений и в каком отношении стоят они к основным линиям философии» [Ленин, 1976, с.266].

Одним из наиболее известных ученых, философские взгляды которого решительно опровергает Ленин, без сомнения является Пуанкаре. Прежде всего это

относится к тому, что последний «чисто субъективистски уничтожает объективную истину» и отрицает объективную реальность вместе с объективной закономерностью природы [Ленин, 1976, с.170]. По этим вопросам Ленин бескомпромиссен. Но имеет ли он на это право? Ведь Пуанкаре не является крайним релятивистом ни в онтологии, ни в гносеологии; он проблематизирует мнимые очевидности, находится в поиске: «Сомневаться во всем или верить всему – два одинаково удобных решения: и то, и другое избавляет нас от необходимости размышлять» [Пуанкаре, 1990, с.7]. Пуанкаре, бесспорно, глубокий мыслитель – тем строже с него спрос. Он противоречив: в одном месте может написать, что мир реален и открыт для нас, что существуют законы природы и наука объективна; в другом (иногда через пару страниц), – что гармонии природы «без сомнения – нет», а если бы она и была, то такой мир «никогда не был бы нам доступен», и что вера в существование материальных объектов – всего лишь удобная гипотеза. Пуанкаре открыл в науке конвенциональные начала, но подчеркивает опытное происхождение её принципов и эмпирические истоки геометрии и механики, настаивает на их преподавании как практических дисциплин.

Ленин видит непоследовательность Пуанкаре, но не склонен оправдывать его по этой причине. Тем более, что, как реалист, Пуанкаре, на наш взгляд, не слишком убедителен и обставляет свой материализм и свою веру в познавательные возможности науки существенными оговорками, постоянно ссылаясь на соображения «удобства». В то же время его субъективно-идеалистические и скептические утверждения вполне определены. Явно программно и пафосно звучит его: «Все, что не есть мысль, есть чистое ничто ... Мысль – только вспышка света посреди долгой ночи. Но эта вспышка – всё» [Пуанкаре, 1990, с.365]. Как тут не вспомнить Лейбница: большинство школ правы в значительной части своих утверждений, но заблуждаются в том, что они отрицают.

Пуанкаре, желал он этого или нет, стал знаменем радикального конвенциализма и релятивизма. Ленин же реагировал прежде всего на общественный резонанс его идей. В философии, как и в науке, нет и не должно быть неприкасаемых для критики авторитетов. Мы часто говорим об ответственности ученых за негативные последствия научно-технического прогресса, но почему-то забываем об ответственности мировоззренческой. Она велика, – и это один из не теряющих своей актуальности выводов, которые следуют из критики А. Пуанкаре В. Лениным.

Литература

Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике. Т.2. М., 1965. – 320 С.

Ленин В.И. Полн.собр.соч., Т.18. М., 1976. – 526 С.

Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1990. – 736 С.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЗИКИ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕНИНСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Л.А. Минасян, minasyan@rostinserv.ru
Ростов-на-Дону

Даже в советское время отмечалась политическая подоплека написания В.И. Лениным работы «Материализм и эмпириокритицизм». Исключая излишние повторы и вариации на эту тему, отмечу, что для политического или государственного деятеля, не являющегося специалистом-естественником, риск обращения к новейшим проблемам естествознания, даже с целью отстаивания и обоснования выбранной им (или партией, к которой он принадлежит) политической программы и стратегии, всегда велик. Потому диапазон осмысленного в труде фактического материала и грамотность его анализа не

может не вызывать уважения. Но уважение вызывают и те методологические дистинкции, которые сохраняют свою значимость для современной науки спустя столетие. По-прежнему в центре философских дискуссий те же вопросы, подробное обсуждение которых проведено на страницах упомянутой книги. Потому в настоящей статье акцент будет сделан на моментах, сохранивших свою актуальность и проективный смысл для современной физики и космологии.

В ленинской работе в гораздо большей степени, чем в многочисленных советских учебниках, утверждается материалистическая компонента учения Канта. Расхожая интерпретация учения Канта как субъективного идеализма сыграла весьма негативную роль для ученых-физиков, ибо отталкивала их от непосредственного внимательного изучения основ философии кенингсбергского мыслителя. В.И. Ленин на страницах книги подробно разбирает критику кантианства слева и справа, не раз подчеркивая, что когда Кант допускает, что нашим представлениям соответствует нечто вне нас, вещь в себе, - то тут Кант материалист. Когда он объявляет эту вещь в себе непознаваемой, - выступает как идеалист. «Махисты критикуют Канта за то, что он чересчур материалист, а мы его критикуем, - резюмирует автор, - за то, что он недостаточно материалист» [Ленин, 1976, с.207]. Ленин специально подчеркивает, что и Маркс, и Энгельс никогда не отрицали существование вещей в себе, но они в отличие от Канта не допускали принципиальной грани между явлением и вещью в себе. Оставаясь в рамках основной направленности своей работы, а именно отстаивания материалистической позиции, Ленин, к сожалению, не акцентирует здесь в должной степени внимание на субъективном моменте познания. В этом вопросе он солидаризируется с Кантом в «Философских тетрадах», отмечая как NB следующее: «Примем мир за то, что он есть по Канту: за смесь субъекта и объекта, но будем стоять на том, что весь мир – одна смесь, одно единство; признаем также, что это единство диалектично, т.е. составляется из своей противоположности. Различие между субъектом и объектом относительно» [Ленин, 1977, с.451-452]. Общепринято считать, что введением различия между «вещью в себе» и «явлением» Кант расчищает площадку для перехода от критики чистого разума к критике практического разума. Между тем, поднятая философом проблема становится едва ли не ключевой в решении проблем современной физики. Так, в космологии сформировалось представление о существовании множественности миров с различными типами физических вакуумов и различными типами сигнатуры пространства и времени в них. Обитаемая человеком Вселенная – это одна из множества Вселенных. Сам человек есть продукт космологической эволюции Вселенной, которая, согласно теории, рассматривается как имеющая одиннадцать пространственных измерений, три из которых расширились, а остальные компактифицированы. Спрашивается, каким образом человек может познать особенности и специфику других миров, которые ему не явлены, или явлены через цепочку косвенных признаков? Ленин упрекает Канта в идеализме именно по поводу рассмотрения им пространства и времени как априорных форм чувственности. Кант рассматривает пространство как трехмерное, и именно в этом трехмерном пространстве и одномерно протекающем времени интерпретирует все данные опыта, утверждая, что только с позиции человека мы можем говорить и о пространстве, и о времени. Данные современной науки в этом вопросе вынуждены отдать предпочтение методологии Канта, видя здесь углубление анализа данной проблемы. Если признать, что человек сформировался как человек на том этапе эволюции Вселенной, когда все пространственные измерения, кроме трех расширившихся, оказались, что называется, «скрытыми от глаз», то трехмерное пространственное видение предстает даже не как априорная форма чувственности, а как врожденная. Так что проблема «вещи в себе» вновь требует вдумчивого осознания и новых подходов в эпистемологии для оправдания претензий науки на установление объективной истины при изучении действительности. О подрыве доверия к науке написано, особенно в последние десятилетия, множество трудов; достаточно широко распространен и обсуждаем лозунг постмодернистов с

требованиями ограничения притязаний науки на достижение объективной истины. То есть наука, по существу, лишается той самой главной и определяющей цели, во имя которой она и существует. Перелистывая страницы книги Ленина удивляешься тому, что эта проблема имела столь же острое звучание и в те времена. И критика В.И. Лениным позиции, не принимающей или не понимающей диалектику абсолютной и относительной истины, настолько конструктивна и аргументирована, что может в первоисточном варианте быть вынесена на современную арену диспутов и дискуссий по этому вопросу. Что же касается узловых вопросов, вскрываемых естествознанием в настоящую эпоху, то Ленин здесь в целом неуязвим для критики, так как именно он неоднократно на страницах работы настаивает на приблизительном, относительном характере всякого научного положения, отвергает упрощенный взгляд на движение материи, повторяя вслед за Энгельсом, что с каждым, составляющим эпоху открытием материализм неизбежно должен изменять свою форму.

Литература

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.18. – М., 1976. – 525с.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. – М., 1977. – 782с.

ИДЕЯ ОТРАЖЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИОНИЗМ

С.Ф. Нагуманова, nagouman@mail.ru

Казань

Идея отражения предполагает сходство отражения с отражаемым. В своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» В.И. Ленин критикует Гельмгольца за то, что тот отвергает сходство между ощущениями и вещами, которые они представляют. «Если ощущения не суть образы вещей, а только знаки или символы, не имеющие «никакого сходства» с ними, то исходная материалистическая посылка Гельмгольца подрывается, подвергается некоторому сомнению существование внешних предметов...» (Ленин, 1977, с.230)

Гельмголец, пытаясь уйти от наивного реализма, впадает в другую крайность – в агностицизм. С одной стороны, неверно говорить о полном сходстве между ощущением и его объектом, но с другой стороны, неверно также и полностью отрицать сходство. В этом смысле идея отражения, которую отстаивал Ленин в своей книге, не устарела. Об этом свидетельствует современная дискуссия вокруг репрезентационализма. Суть его состоит в том, что все психические состояния есть репрезентации объектов. Эта идея восходит к Локку.

В свое время Локк предполагал, что физический объект не дан человеку непосредственно, объектом познания являются нефизическая репрезентация физического объекта. Благодаря сходству между ним репрезентацией и объектом мы и способны познавать мир. В XX в. локковская идея репрезентации претерпела серьезное переосмысление. Большинство современных репрезентационалистов стремятся создать такую теорию психической репрезентации, которая бы отвечала принципу материализма, и потому избегают постулировать нефизические сущности.

Начиная с 70-х годов было предложено много самых разных теорий психической репрезентации, они подвергаются критике, выдвигаются новые теории, дискуссия то затихает, то вспыхивает с новой силой. Долгое время доминировал функционалистский подход к психике, который не требовал сходства между репрезентацией и объектом. Однако критика выявила серьезные изъяны в этом подходе, и в настоящее время идет поиск новых подходов. Одно из последних предложений – структуралистская теория психической репрезентации Г. О'Брайена и Д. Опи (O'Brien & Orie, 2004). По их мнению,

теория психической репрезентации должна быть не только натуралистической, она должна объяснить, каким образом психическая репрезентация выполняет каузальную роль по отношению к поведению. Теория психической репрезентации должна ответить на вопрос: Каковы отношения между психической репрезентацией и ее объектом? Когда рассматривают публичные формы репрезентации, то выделяют три типа отношений: конвенция, каузальная связь и сходство. Некий объект может быть репрезентацией другого объекта в силу конвенции (слово «кошка» репрезентирует свойство быть кошкой в силу языковой конвенции). Но конвенция слишком субъективна. В последнее время в философии более популярным был ответ, что это каузальная связь (например, стук в дверь репрезентирует чье-то присутствие в силу причинной связи между ними). Между объектом и средствами репрезентации может быть причинная связь. Однако этого недостаточно для объяснения содержания репрезентации. Функционалистские теории определяют содержание психической репрезентации в терминах адекватного, сообразующегося с окружающей средой, поведения субъекта. Но такие теории не могут объяснить, каким образом психическая репрезентация с определенным содержанием сама может быть причиной адекватного поведения субъекта. Нечто не может быть причиной того, что его конституирует.

Остается третий возможный ответ: сходство (портрет репрезентирует человека в силу сходства с ним). Г. О'Брайен и Д. Опи различают сходство первого уровня и сходство второго уровня. Средство репрезентации и объект имеют сходство первого уровня, если у них имеются общие физические свойства. Совершенно очевидно, что мозг не имеет всех тех физических свойств, которые репрезентирует. Сходство второго уровня предполагает, что отношения между элементами репрезентирующей системы отражает отношения между объектами. Это формальное сходство может быть совершенно независимым от наличия сходства первого уровня. По мнению Г. О'Брайена и Д. Опи, основой психической репрезентации является сходство второго уровня, а именно структурное сходство. Оно обеспечивается физическими отношениями между элементами репрезентирующей системы. Это позволяет объяснить, каким образом психическая репрезентация может быть причиной адекватного поведения.

Литература

Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. М: Политиздат, 1977.

Gerard O'Brien & Jonathan Opie . Notes Toward a Structuralist Theory of Mental Representation. In Hugh Clapin (ed.), Representation in Mind. Elsevier. 2004.

УСТАРЕЛА ЛИ РАБОТА В.И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»?

Э.М. Солнечный, Т.И. Соколова,
sokolova.t.i@mtu-net.ru

Москва

Этот труд был написан В.И. Лениным 100 лет назад как отклик на философскую злобу дня того времени, а именно — на распространившиеся среди социал – демократов попытки протащить в теоретический арсенал пролетариата чуждые элементы, ведущие в конечном итоге к субъективному идеализму и к религиозному миропониманию. Эти попытки в значительной мере были вызваны идеологическим кризисом в физике и математике того времени, обусловленным новейшими открытиями (структуры атома, теорией множеств и др.) естествознание того времени почувствовало недостаточность стихийно-материалистического мировоззрения, лежавшего до сих пор в основе исследования природы, почувствовало необходимость честно спросить с себя об истоках

современного ему знания, о том, что мы действительно знаем, а что постулируем, из чего исходим, разрабатывая методику исследований. Даже такие известные учёные того времени как Мах и Пуанкаре, разрабатывая теорию познания, стали говорить, что мы знаем только то, что непосредственно ощущаем, а что там, в глубине вещей, на самом деле происходит, мы никогда не узнаем. На смену задаче поиска истины стали выдвигать «принцип экономии мышления». И научное исследование стало превращаться в своего рода игру, ничего не говорящую об истинной жизни природы и общества. Понятия и законы, которыми оперирует наука, стали превращаться в «соглашения», в «элементы удобства», в «правила игры». Этому способствовала, конечно, потеря наглядности, которая раньше была существенной составляющей получаемых результатов: атом нельзя было увидеть даже в микроскоп, континуальность отрезка нельзя было «пощупать» и т.д. Эти волны скептицизма, «позитивизма» докатились до широких слоёв интеллигенции, в том числе революционной; мыслящие умы стали разрабатывать теории, уже ревизующие уже сложившееся к тому времени учение Маркса и Энгельса об основных законах природы и общества — диалектический материализм. В среде русской социал-демократии появились теории Богданова, Чернова, Юшкевича и др., стали модными термины «эмпириокритицизм», «эмпириомонизм».

В.И. Ленин одним из первых в России — вслед за Плехановым — освоил и стал пропагандировать марксизм. Поэтому он не мог пройти мимо новых теоретических «завихрений» в русской социал-демократии. Он правильно понял источник этих «шатаний» — проникновение субъективно идеалистических идей в естествознание и главным объектом критики сделал в этой работе именно эти тенденции.

Ленин сразу проявил себя ортодоксом в марксизме; в этой книге он яростно отбивает атаки на Энгельса со стороны Богданова и других, разоблачает ошибки даже Плеханова. Он борется не только с реакционными тенденциями в естествознании. Отдельная глава книги посвящена у него извращениям исторического материализма «эмпириокритиками» и др. Могут сказать: ну, хорошо, но всё это было 100 лет назад; мы знаем. Сколько всего произошло за эти годы. Что нам сегодня даёт эта работа?

Значение этой работы для нас прежде всего методологическое. Она учит нас, как надо бороться за истину, как надо вовремя увидеть тенденцию, уйти «не туда», т.е. реакционные «загибы», противоречащие общему движению человечества к истинному познанию законов природы и общества.

Не будучи профессионалом в физике и математике, Ленин не побоялся выступить против таких авторитетов в этих областях, как Мах и Пуанкаре, не побоялся указать на их философские ошибки. Слишком часто специалисты в одной области зачастую не желают преодолеть рамки и границы своего профессионализма в восприятии действительности, пытаются измерить всё принципами отдельной науки, применяя их как всеобщие, что в конечном итоге приводит к идеализму. В работе В.И. Ленина прослеживается проблема связи идеализма в понимании природы с политическим оппортунизмом и реакционным мировоззрением. Книга Ленина учит нас и смелости в формулировках исходных концепций. В книге затронуты проблемы философии науки, а также места, роли и предмета сознания человека, бытия материального и идеального, проблемы индивидуального восприятия. На основе материала книги можно задаться вопросом: как фактор индивидуального восприятия человеком действительности влияет на позицию человека по вопросам естествознания и на его общественную практику. На основании этого остаётся поставить вопрос: нужна ли четвёртая составная часть марксизма — психология. Аппарат современной науки, особенно естествознания, в значительной мере построен на формальной, математической логике, на основе дедуктивного мышления. Но понятно, что дедукция, выводящая одно положение из других, нуждается в каких-то исходных положениях (аксиомах). Эти положения должны быть взяты извне данной науки, в конечном счёте — из опыта человечества. Для философии, как 18 – 19 веков, так и современной, таким исходным положением является ответ на вопрос: что первично

материя или сознание. Как пишет Энгельс, философы, в соответствии с тем, как они отвечают на этот вопрос, разбиваются на два лагеря — материалистов и идеалистов. И это разбиение имеет место до сих пор. Конечно, формальная логика не может дать ответа на этот вопрос — кто из них прав; поэтому позитивисты объявляют сам этот вопрос бессмысленным и отказываются отвечать на вопрос о соответствии результатов науки истинному положению вещей. Но тогда наука действительно превращается в игру, в которую охотно играют сонмы учёных.

Победа диалектического материализма в идеологии СССР и стран социалистического лагеря явилась своего рода выражением известной триады: наивный материализм ранних этапов человеческого развития — идеалистические построения, характерные для эксплуататорских обществ — диалектический материализм, как наиболее естественный, здравый, научный взгляд на мир.

Материалисты утверждают, что критерием истины является практика и это подтверждается опытом человечества: синтезом новых химических веществ, открытием новых планет Солнечной системы: да вся космонавтика блестящее подтверждение ньютоновской механики.

Иногда говорят, что эта книга Ленина слишком полемично заострена, что из-за этого её трудно читать. Конечно это не философский трактат гегелева типа и определение материи, вопрос о познаваемости мира вкраплены здесь в страницы яростной полемики. Но полемичны, по сути дела, все научные труды. Вспомните «Нищету философии», «Анти-Дюринг»! Разве полемика не является достойным жанром?

Общий вывод: эта ленинская работа учит нас мыслить, спорить яростно, но аргументировано, критически и творчески воспринимать явления действительности. Работа учит не останавливаться на достигнутом: искать истину, утверждает гносеологический оптимизм. Вместе с «Философскими тетрадами» этот труд Ленина является образцом творческого марксизма, который нуждается в дальнейшем развитии.

К ВОПРОСУ «ИСЧЕЗНОВЕНИЯ МАТЕРИИ» В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

А.Т. Свергузов, philosoph@list.ru

Казань

Начало XX века в науке знаменуется кризисом философского понимания материи, вызванным революцией в естествознании. В философском анализе этого кризиса наряду с другими философами принял участие В.И. Ленин в своем основном философском труде [Ленин, 1984]. Нечто подобное этому кризису наблюдается в настоящее время, но со стороны «революции» в философии. Речь идет о критике материи в так называемой «философии небытия».

Актуальность работы Ленина сохраняется в том случае, когда спор идет между материализмом и идеализмом по поводу интерпретации материи. Но в начале XXI века критика материи приняла более абстрактный характер. Проблема поставлена в рамках материалистической философии. Вопрос ставится о естественном происхождении материи и он не кажется лишенным смысла.

К постановке этого вопроса подтолкнул ряд публикаций [Солодухо, 2002; Нуруллин, 2004]. В них ставится проблема существования абсолютного небытия, порождающего материю.

На интуитивном уровне кажется, что проблема существования материи (мира, бытия) должна разрешиться, если обосновать ее происхождение из абсолютного небытия, которое по определению не нуждается в обосновании своего существования.

Традиционная позиция диалектического материализма известна: материя есть субстанция и вопрос о ее происхождении лишен смысла. Нам кажется, что вопрос о

естественном происхождении материи не совсем противоречит материалистической логике. Правда, следует отметить, что согласно позиции Р.А. Нуруллина абсолютное небытие с равной вероятностью может породить Бога или материю. Но это религиозная постановка проблемы. Научная постановка должна быть такова: как естественным образом материя могла возникнуть из ничего.

Н.М.Солодухо считает, что решить проблему естественным образом невозможно и предлагает уйти в «глухую» метафизику. Он придерживается тезиса о происхождении бытия из абсолютного небытия. Но признается, что обосновать этот тезис невозможно. Солодухо считает, что необходимо признать, наряду с онтологией, метафизику как раздел философии о той области бытия, рассуждения о которой принципиально нельзя обосновать [Солодухо, 2008].

Несмотря на правомерную постановку проблемы, с нашей точки зрения, аргументированная критика абсолютного небытия имеется с позиции диалектических категорий *субстанции и движения*.

Общая логика решения проблемы известна и заключается в том, что абсолютного небытия не может быть, так как невозможен переход абсолютного небытия в бытие. Во-первых, бытие уже существует. Во-вторых, чтобы породить бытие, абсолютное небытие должно в себе содержать причину бытия, то есть не быть таковым (абсолютным).

Анализ категории *чистое бытие* не решает проблему первоначала мира. Категория бытия носит предельно абстрактный характер, фиксирующий только свойство существования. Содержание категории бытия не может быть раскрыто в отвлечении от того, что существует. Бытие всегда есть бытие чего-то (как мысль всегда есть мысль о чем-то). Поэтому решение проблемы первоначала требует привлечения другой философской категории (т.е. субстанции).

Еще И.Кант отрицал онтологический статус категории бытия. Это просто логическая связка в суждении: добавлением «вещь существует» ничего не прибавляется к вещи. Неокантианец Э. Кассирер считал, что в основе научного мировоззрения лежит идея субстанции.

О попытке мыслить движение без материи в «философии энергетизма» писал Ленин [Ленин, 1984, С.260-268]. Движения без материи не существует. «Философию небытия» также можно охарактеризовать как попытку мыслить движение без материи. Говорить о движении *ничто* – это абсурд. Бессмысленно утверждать о возникновении материя благодаря самодвижению абсолютного небытия.

Можно согласиться, что рассматриваемая проблема указывает на некоторую незавершенность существующего субстанционального подхода к материи и требует расширения или уточнения смыслового поля категорий диалектического материализма.

Литература

Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм: Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Политиздат, 1984.

Солодухо Н.М. Философия небытия. Казань: Изд-во КГТУ (КАИ), 2002.

Нуруллин Р.А. Виртуальность как основание бытия. Казань: Изд-во КГУ, 2004.

Солодухо Н.М. Отношение онтологии и метафизики в курсе философии/ Учебник философии: материалы 1-й, 2-й и 3-й всероссийских научно-методических конференций (Казань, 2006, 2007, 2008 гг.) – Казань: Изд-во КГТУ (КХТИ), 2008. с. 301-303.

ЧТО ОСТАЕТСЯ НЕЗЫБЛЕНЫМ, А ЧТО НЕТ В КНИГЕ В.И. ЛЕНИНА ПРОТИВ «ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМА»?

В.И. Табаков, marlestum@yandex.ru
Нижний Новгород

I. Диалектически адекватным было у В.И.Ленина в этой книге и остается до сих пор – 1) строгое последовательное выделение в мировой философии двух взаимоисключающих позиций; 2) фиксирование непреходящих попыток их совместить; 3) доказывание невозможности реализации этих попыток; 4) строгое различие ощущения от ощущаемого и 5) отождествление ощущаемого с «вещью-самой-по-себе».

II. Политическую актуальность сохраняет его – 1) разоблачение солипсизма (под какими бы одеждами последний ни выступал), принимаемого «специалистами» или по недобросовестности, или по недомыслию за «непробиваемую» позицию для безнаказанной «философской», а на деле политической атаки на марксизм, на социализм и на политическое движение трудящихся за ликвидацию социального паразитизма, дающего «специалистам» комфортное существование вблизи барского стола; 2) раскрытие несовместимости солипсизма с марксизмом, с наукой и вообще с практикой и 3) предупреждение начинающим социалистическим мыслителям о болоте, в которое можно легко забрести по указателям солипсистов, но очень трудно выйти обратно на твердь.

III. Философскую эвристичность, очевидно, сохраняет его подчеркивание – 1) неисчерпаемости мира; 2) неисчерпаемости его научного познания, философского осмысления и практического освоения; 3) конкретности истины; 4) невозможности ее схватывания и выражения при познании любого явления мира без его конкретного анализа и осмысления в контексте конкретной исторической ситуации и 5) неразумности попыток непосредственного отождествления логического и исторического («чистого капитализма» и «реального капитализма»).

I. Диалектически неадекватным было у В.И.Ленина в этой книге и остается до сих пор – 1) сведение материализма к отрицанию солипсизма и сведение противоположности материализма и идеализма к признанию и отрицанию существования ощущаемой «вещи-самой-по-себе»; 3) осмысливание и обсуждение проблемы раздвоенности мировой философии без привлечения основных классиков идеализма (Платона, Аквината, Гегеля); 4) допущение самой мысли, что идеализм даже у указанных его классиков оказался «пустоцветом» на живом «дереве» философии; 5) допущение самой мысли, что идеализм уровня указанных его классиков, остававшийся 2 тысячи лет неустранимым из философии, оказался устраненным одним «Анти-Дюрингом» Ф.Энгельса («Экономически-философские рукописи» К.Маркса, «Немецкая идеология», как известно, остались В.И.Ленину неизвестными); 6) понимание самого разрешения диалектического противоречия между материализмом и идеализмом как ликвидации одной из его сторон, в данном случае – идеализма; 7) сама попытка разрешения этого противоречия без выяснения чисто философской причины раздвоения философии на две стороны (нельзя же считать, что позиции Демокрита и Платона в Античной Греции возникли из-за их противоположных классовых или хотя бы идеологических интересов или из-за их противоположного отношения к религии и церкви); 8) попытка определения как «материи», так и «идеи» без определения того, взаимоисключающими и взаимополагающими сторонами чего они являются в философии; 9) отождествление (под одним понятием «идея») образа и представления с идеальным; 10) отождествление (под одним понятием «отражение») чувственного отражения предметов («вещей-самих-по-себе») с мысленным выражением этих предметов; 11) неразличение предмета и объекта вообще; 12) попытка мыслить истину с одной только объективностью, без неизбежной ее субъективности, бывающей как полагающей, так и ликвидирующей объективность, а

следовательно – и саму истину; 13) попытка мыслить истину с одной только абсолютностью, без неизбежной ее относительности, бывающей так же, как полагающей, так и ликвидирующей абсолютность, а следовательно – и саму истину; вообще упрощенное допущение отдельно абсолютной истины и отдельно относительной истины, связанных между собой, якобы, как недостижимое целое и как одна из неисчерпаемого множества частей этого целого («абсолютная истина» = «сумма относительных истин»).

II. Политическая актуальность этого труда В.И.Ленина связана с той же борьбой марксистов с солипсизмом, к которому, в конечном счете сводятся сегодня всякие плюрализмы, постмодерны и парадигмализмы, воюющие с диалектикой. Но для развития марксизма, существующего сегодня именно в виде ленинизма, и особенно его философской основы, остро актуальным является не привычное догматическое повторение и упрямое бездумное отстаивание выводов В.И.Ленина 1908-1920 гг, а стремление понять, как стал бы он решать те же проблемы сегодня, имея в своем распоряжении как оставшиеся неизвестными ему Рукописи К.Маркса, так и достижения логики, математики и естествознания после 1920 г. Но это значит – освободить ленинизм от тех изъянов, которые обусловлены той конкретной исторической ситуацией, в которой создавалась эта книга, и которые дают антимарксистам «основание» для софистического представления всего ленинизма одним изъяном. И надо это делать именно в русле философского развития самого В.И.Ленина, намечающегося в его «Философских тетрадах». Ленин есть Ленин.

III. И философски эвристичным является сегодня в этом труде В.И.Ленина все то, что выше было выделено нами (и может быть еще выделено) как диалектически адекватное, но ни в коем случае не то, что было выделено как диалектически неадекватное.

ТЕОРИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА В КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ Л.С. ВЫГОТСКОГО

Т.М. Тараданова, taradanova@list.ru
Москва

Лев Семенович Выготский по праву считается самым могучим талантом в российской психологии XX века. Блестящий интеллектуал, знаток классической и современной философии, Выготский использовал философские методы в разработке научных психологических проблем.

Работу В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (1909 г.) Выготский, безусловно, знал и подошел к ее пониманию со свойственной ему научной скрупулезностью. В философской по сути работе «Исторический смысл психологического кризиса» (1926-1927 гг.) он дает свое понимание марксистской философии и обосновывает роль идей, изложенных В.И.Лениным. Примечательно, что обе работы связаны кризисной проблематикой и схожестью многих поднимаемых и разрабатываемых научных проблем.

В работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин противопоставляет субъективно - идеалистической теории познания диалектико – материалистическую теорию марксизма, Выготский же рассматривает возможность применения положений материалистической диалектики в качестве метода, позволяющего преобразовать исследовательский процесс, предлагает обоснование методологии, выстроенной как теория психологического материализма.

Совпадает у Выготского с Лениным и понимание «ближайших», как их называет Выготский, причин кризиса: это отрицание философии и практики. Выготский характеризует кризисную ситуацию, сложившуюся в психологической науке, отмечая важнейшие проблемы научного познания: закономерности развития науки, соотношения

между научными понятиями и фактами, использование методов научного исследования. Внешним проявлением кризиса в психологии Выготский видит появление направлений и школ, представители которых, оперируя разными идеями, игнорируют и не принимают друг друга.

Выготский утверждает, что философия, являясь по сути теоретическим мышлением, есть основание всякой науки. При этом под философией он понимает не «онтологию», а характер собственного научного мышления. Выстраивая иерархию научного исследования он представляет философию верхним уровнем, за ним следует методология, на следующем уровне – частные дисциплины. Последние непосредственно смыкаются с практикой воздействия на человека и преобразованием его.

Важнейшей задачей на пути преодоления кризиса Выготский считает создание общей науки, которая, синтезируя научное знание, имеет дело не с «чистыми понятиями», а с понятиями, отражающими такие стороны психической реальности, для постижения которых концептуальный аппарат частных дисциплин зачастую оказывается недостаточным.

Методология каждой науки складывается под влиянием философии, но имеет собственный статус, определяемый ее природой. Закономерности и повторяемость, присущие самому процессу познания, дают возможность выработать научную методологию на исторической основе. Показывая поразительное сходство развития идей фрейдизма, рефлексологии, гештальтпсихологии, персонализма Выготский убедительно иллюстрирует возможность выработки научной методологии на исторической основе.

Выготский подчеркивает, что идеалистические концепции научного знания, исходя из формально - логической конструкции, разводят понятия и реальные объекты. Позиция реалистическая демонстрирует материалистическую точку зрения в гносеологии и диалектическую – в логике рассуждения. Идеалистической практике и формальной логике Выготский противопоставляет диалектику, которую рассматривает в духе марксизма - как науку о наиболее общих законах всякого движения.

В работе «Исторический смысл психологического кризиса» рассматривается и проблема научного языка, что созвучно аналогичной теме, поднимаемой Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм». Выготский отмечает, что современный научный язык психологии недостаточно терминологичен, в нем используются многозначные, абстрактные понятия, заимствованные из естественных наук, подчеркивает значимость функции языка в научном исследовании. «Слово есть философия факта; оно может быть его мифологией и его научной теорией» [Выготский, 1982, с.366].

Анализируя сложившуюся систему марксизма, Выготский говорит о возможности создания теории психологического материализма, использование ее методологии в области психологических явлений. Теорию психологического материализма или диалектику психологии Выготский видит как общую психологию.

Приложение учения марксизма к новым областям всегда было проблематично - как во времена Выготского, и тем более, сейчас. Вероятно, поэтому так мало анализируются его поиски в этом направлении, расцениваемые как конъюнктурные, идеологические, но только не как научные. Будущее психологии Выготскому виделось наукой о новом человеке, каким, безусловно, являлся и он, опережая, а зачастую и просто игнорируя не только опасности, но и мнения.

Литература

Выготский Л.С. «Исторический смысл психологического кризиса». Собр.соч. в 6 Т.,Т.І. М.: Педагогика 1982.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КРИЗИС НАЧАЛА XX ВЕКА И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ (по работе В.И. Ленина “Материализм и эмпириокритицизм”)

А.А. Тихонов
Ульяновск

Общий социокультурный контекст и непосредственные исторические условия написания В.И. Лениным его знаменитой философской работы “Материализм и эмпириокритицизм” широко известны и глубоко исследованы. Сам В.И. Ленин неоднократно характеризовал Россию начала столетия как “слабое звено” в системе капиталистических стран и “узел острейших противоречий” эпохи. Однако, как известно, “лицом к лицу – лица не увидать”, и современный анализ прошедшего столетия позволяет осознать глобальный характер кризиса индустриальной цивилизации, начало и когнитивные факторы которого были своеобразно отображены в книге В.И. Ленина.

В России кризисные явления и тенденции углублялись и обострялись поражением в русско-японской войне 1904 – 1905 г.г., революцией 1905 – 1907 г.г., реакцией на неё российского самодержавия, национальными конфликтами, произволом царской бюрократии, реальным обострением классовых противоречий, расколом интеллигенции и т.п. Работа В.И. Ленина “Материализм и эмпириокритицизм” была, по нашему мнению, не только исследованием ряда кризисных явлений и тенденций в области науки, философии и политической деятельности, но и сама выступила в качестве выражения и *фактора* обострения кризисных процессов XX века.

Социокультурный кризис, по мнению многих ученых, “свидетельствует об исчерпании возможностей саморазвития общества в данном его качестве”. При этом “социальные кризисы неизбежно провоцируют всплеск и обострение кризисного сознания” [Сидорина, 2003, с.19-20]. Работа В.И. Ленина показывает, что сам автор выступает в ней в качестве субъекта кризисного сознания, а вся совокупность его суждений и аргументов направлена на обострение кризиса, на перманентную борьбу с оппонентами, на ведение “товарищеской войны” [Ленин, 1977, с. 336] даже с социал-демократами (большевиками), такими как А.А.Богданов, А.В.Луначарский и др. “Товарищеская война” – не просто абсурдное словосочетание; в контексте социокультурного кризиса она становится преддверием гражданской войны. “Всадникам апокалипсиса” предшествуют “рассадники апокалипсиса”. Сам В.И.Ленин не скрывает своей идейной предвзятости и нетерпимости в анализе “кризиса современной физики”, теоретико-познавательных и социальных проблем. В письме к А.М. Горькому он отмечает, что “прямо бесновался от негодования” [Там же, с.352] при чтении работ своих оппонентов.

Известный исследователь Л. Грэхэм отмечал, что В.И. Ленин, как и многие “политические лидеры...того времени, ... формировались в традициях конспирации, а потому свыклись с применением террора, являясь до этого его объектами” [Грэхэм, 1991, с.15]. Революционеры как “объекты террора”, т.е. реального политического и даже уголовного преследования со стороны властей, зачастую готовы стать “субъектами террора” и применять насилие как способ разрешения практических и теоретических проблем. Общий стиль и лексикон работы В.И.Ленина носят жесткий, конфронтационный, конфликтный характер, направленный не на логически обоснованное убеждение, а на догматическое принуждение. Н.А.Бердяев считал, что “Ленин философски и культурно был реакционер, ... он не был даже на высоте диалектики Маркса, прошедшего через германский идеализм. Это оказалось роковым для характера русской революции – революция совершила настоящий погром высокой русской культуры” [Бердяев, 2006, с.178]. Как известно, В.И. Ленин в более поздней работе, “Философских тетрадах”, неоднократно возвращался к проблемам теории познания и диалектики и

высказывал более корректные и “примиренческие” идеи о связи “умного идеализма” с материализмом, о необходимости изучения диалектики Гегеля.

Социокультурный кризис начала XX века обладал общесистемным характером. Используя глубокую мысль В.И.Ленина о наличии нескольких уровней “сущности вещей” [Ленин, 1977, с. 257], можно показать, что кризисные и противоречивые явления и тенденции проявлялись в таких взаимосвязанных сферах, как: а) кризис физики и появление “физического идеализма”; б) борьба философских школ и течений, ведущая к принципиально различным идеологическим выводам и политическим доктринам; в) кризисные процессы, связанные с глубинными когнитивными преобразованиями исторических типов рациональности и их оснований (А. Пуанкаре писал о “всеобщем разгроме принципов”; г) кризис идей Просвещения, идеалов разума, свободы, равенства и т.п.; д) усугубление различных форм и способов отчуждения; е) преобразование исторических форм и типов гуманизма – от христианских, ренессансных, индивидуалистических, “абстрактных” – к еще несложившимся, нестабильным и поэтому кризисным, опасным формам коллективизма, социоцентризма и т.п.; ж) появление в начале XX века исторически нового “антропологического кризиса”. Н.А.Бердяев на опыте русской революции утверждал даже, что “появился новый антропологический тип”...- “милитаризованный, жесткий, наступательный, активный” [Бердяев, 2006, с. 268]. Социальные революции, гражданские и мировые войны, глобальные проблемы современности – все эти кризисные и катастрофические события XX века были “всходами зёрен раздора”, посеянных в начале столетия.

Литература

Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Мир книги, 2006. – 416 с.

Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991. – 480 с.

Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. М.: ИПЛ, 1977, - 392 с.

Сидорина Т.Ю. Философия кризиса. М.: Флинта: Наука, 2003, - 456 с.

РАБОТА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» В.И. ЛЕНИНА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ «ЧУДЕС», ОТМЕЧЕННЫХ В ДРЕВНЕРУССКИХ ИСТОЧНИКАХ

А.Н. Тихонов, gorgonius@rambler.ru

Нижний Новгород

В советские годы прозвучало достаточно призывов к использованию теоретического наследия В.И. Ленина во всех общественных дисциплинах. И было бы банально вновь доказывать полезность ленинской методологии для исторических исследований – в соответствующих похвалах недостатка нет. В дополнение к ним отмечу актуальное на все времена умение автора вести полемику, но подчеркну при этом, что практикуемые Лениным обвинения оппонентов в невежестве – обоюдоострое оружие (при всей обоснованности этих обвинений). Так, А.Богданов, пытаясь защититься от критики свои путаные идеи, сумел уличить Ленина в верхоглядстве и недостаточно полном знакомстве с философской литературой.

В предлагаемой работе я привлекаю «Материализм...» Ленина к решению одного весьма щекотливого вопроса в источниковедении – о «чудесах», упоминания и описания которых мы часто встречаем в древнерусских летописях и житиях святых. Этой проблемы касался Я.С. Лурье, приведя пример «мнимо-реалистического» толкования описанных в Новгородской Первой летописи сверхъестественных событий накануне и в ходе Невской

битвы. Советские историки «осторожно устранили» из летописного рассказа чудесное явление Бориса и Глеба ижорянину Пелгусию, а шведов, убитых «от ангел Божиих» приписали ижорцам – союзникам Новгорода [Лурье, 1966, с. 123-124; Лурье, 1997, с. 127]. Лурье подчёркивает: «недостаточно только не верить в чудеса», «надо разобрать источниковедчески самый рассказ» [Лурье, 1966, с. 125]. Однако это половинчатый рецепт: выяснение происхождения и роли «чудесного» сюжета в повествовании не избавляет нас от необходимости определить своё отношение к сверхъестественному событию.

В 1990-е гг. чёткая атеистическая позиция исследователей незаметно сменилась позицией светской, по умолчанию предполагающей отстранённость и некоторую степень агностицизма. В советское время источники о чудесах элиминировались, поскольку религиозная позиция однозначно оценивалась как заблуждение. Теперь же, когда РПЦ набрала силу, исследователь предпочитает не трогать «чудесное», чтобы не оскорбить чувства верующих. И это похоже на капитуляцию перед последними. В оправдание для интеллигентного ума бывает соблазнительно сослаться на непознаваемость «чудесного» явления и закрыть вопрос, как выходящий за пределы науки. Меж тем для Ленина (шедшего за Энгельсом) не было непознаваемых вещей, только непознанные.

Вслед за Лениным отстраняясь от фидеизма и применяя «бритву Оккама», мы убираем заданную источником провиденциалистскую интерпретацию «чуда», трактуя его как деяние Бога или козни дьявола. Остаётся событийное ядро – «вещь в себе». Далее мы можем дать «чуду» более-менее логичное объяснение. Однако в этом «более-менее» и состоит камень преткновения. Объяснение может оказаться неубедительным без «отсеченных сущностей». Исследователю придётся ограничиться им за неимением лучшего, но тогда возникнет уже личная психологическая проблема, ведь историку известно, что «чудеса» фиксируются и в наши дни. Более того, в православии есть, можно сказать, главное «чудо», подпирающее собой религиозную веру во все остальные. Это «Чудо Схождения Благодатного огня» в храме Гроба Господня в Великую субботу. (Центральность данного «чуда» обуславливается православной максимой: «Если Христос не воскрес, наша вера тщетна»). Наличествующие на сегодняшний день аргументы критиков и апологетов этого явления находятся (на мой субъективный взгляд) в равновесии. Если бы защитникам «чуда» удалось неопровержимо доказать действительность его, то вместо веры возникло бы знание, и сверхъестественное перешло бы в разряд естественного. Результат – гносеологический кризис, ибо регулярное божественное деяние (каковым мыслится Благодатный огонь в православной традиции) придётся счесть материальным явлением (в строгом соответствии со знаменитым ленинским определением материи). Как следствие, будет доказана материальность Бога и, из неё, бессмысленность идеалистического решения основного вопроса философии. Перспектива эта кажется фантастической, но её вероятность нельзя отрицать. Имея её в виду, интерпретатор «чудес» вынужден колебаться между атеизмом и религией, пытаясь воздерживаться от веры – как в Бога, так и в Его отсутствие. Позиция эта крайне неустойчива и зиждется, по сути, только на свободе совести. Достоинство её в том, что она не является агностической (беспощадно раскритикованной Лениным в «Материализме...»), ибо пребывает в ожидании решающих доказательств.

Вывод таков: пока не доказано главное «чудо», сохраняется status quo, и отмеченные в источниках «чудеса» надлежит трактовать скептически, но не игнорировать их. Победа противников Благодатного огня усилит это скептическое начало, а победа сторонников превратит богословско-идеалистические трактовки в материалистические.

Литература

Лурье Я.С. Критика источника и вероятность известия // Культура Древней Руси: Сб. ст. – М.: Наука, 1966. – С. 121-126.

«МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» СТО ЛЕТ СПУСТЯ

В.Г. Торосян, toros@manag.kubsu.ru

Краснодар

Прежде всего, хочется сказать об уместности обращения к работе В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» столетие спустя после ее выхода в свет. Дело не в юбилейной дате, которая, вне всякого сомнения, с размахом отмечалась бы в условиях советской системы. Десятилетия советской власти оказались, между тем, важнейшей причиной того, что этот труд не получил адекватного его содержанию значению осмысления в Советском Союзе. Возведенный в ранг Священного Писания, усердно и принудительно конспектируемый, он и изучался соответствующим образом.

При всей агрессивности манеры изложения, свойственной вождю мирового пролетариата («дипломированные лакеи поповщины», «не вы ищете, а вас ищут»), он не ругает огульно людей, взгляды которых подвергает критике, а приводит обширные выдержки из Маха, Авенариуса, Пуанкаре и т.д. Позволяя читателю ознакомиться с «физическим идеализмом» из первоисточников, В.И. Ленин тем самым позволяет и понять, почему, казалось бы, «самая абсурдная философия, субъективно-идеалистическая», особенно сложно поддается критике, понять, каким образом взгляды хрестоматийного субъективного идеалиста, Дж. Беркли, с таким трудом изгоняемые из философии, могли вернуться двумя столетиями позже уже через физику.

Оценки Маха как «столь же мелкого философа, сколь и крупного физика» оказалось достаточно, чтобы даже упоминанию его имени не нашлось места в советских энциклопедиях. Известен случай, когда сельского жителя расстреляли по обвинению в том, что он – «кулак и махист».

Начав работу в вузе в далекие 1970-е ассистентом, я с изумлением и ужасом замечал, что некоторые лекторы в моих группах преподносили в качестве ленинских как раз критикуемые им взгляды – действительно они могли выглядеть убедительно. Легче было в этом смысле разобраться в работе Ленина не зашоренным идеологически зарубежным читателям, к тому же обладающим основательным философским образованием. Будучи внимательно прочитанной представителями естествознания, особенно тяготеющими к философии в переломные моменты его развития, она могла бы оказать безусловно большее воздействие на науку и философию XX века, помочь науке преодолеть «болезнь роста», которой неизбежно оказалось охваченной. Зарубежный читатель, однако, особенно ученый, никак не мог проявить интереса к сочинению человека, воспринимавшегося в столь зловещем образе. Между тем, оказавшись в этот период в швейцарской эмиграции, Ленин имел возможность ознакомиться с десятками работ ведущих ученых, в которых излагались и достижения, и проблемы нового естествознания. Ведь почему крупных физиков потянуло к философии? Будучи первопроходцами, они столкнулись с весьма нетривиальными проблемами, требовавшими именно философского осмысления, и оказались неготовыми к ним, что и обернулось кризисом в науке и её основаниях.

Надо отдать должное прозорливости В.И. Ленина, который не только уловил суть происходящего, но и понял, что кризис этот выходит далеко за пределы естествознания, переплетаясь и подстёгиваясь с кризисными явлениями в социальной жизни, в искусстве и философии, тем большую представляя опасность в широком социокультурном плане.

Ретроспектива истории науки со всей очевидностью показывает, что кризисные явления в естествознании имели место в течение всего XIX в, особенно во второй его

половине. Отсюда и неудачные попытки адаптирования к классической картине мира П начала термодинамики, и шок от обнаружения несуществования эфира, делимости атома, выводы о гибели материи и т.д., высказываемые порой (напр., у Эддингтона и Джинса) с гнетущей художественной выразительностью.

Весьма характерно ситуацию в естествознании на рубеже веков выразил лорд Томсон-Кельвин на заседании Лондонского Королевского общества в 1900 г. Возвещив о завершении строительства стройного здания физики, он всё же признал существование «двух облачков» (из которых всего пять лет спустя вылились такие бури, как теория относительности и квантовая механика). Лорд Томсон был прав в одном: завершённым оказалось здание классического естествознания, при этом обозначив фундамент для давно уже подступавшего неклассического. Одной из первых и весьма обстоятельных попыток осмысления новой ситуации и оказалась работа «Материализм и эмпириокритицизм».

Что ценного и актуального и по сей день может обнаружить прочтение его глазами 2009 года? Главный вывод – естествознание действительно переболело «болезнью роста» и действительно выбралось из неё окрепшим и возмужавшим, как и предвидел уже тогда В.И. Ленин. И, добавим, одновременно более утончённым. В течение прошедших ста лет естествознание становилось всё более сродни искусству, открытия происходили как изобретения (позитрон, кварки и т.д.). Работа «Материализм и эмпириокритицизм» убеждает равно и в необходимости понятия материи, и в его условности. Более того, дальнейшее развитие естествознания и философии всё более выявляет условность даже самого деления на материализм и идеализм, противопоставления материи и сознания. Сам не делая такого вывода, Ленин своей работой, по существу, закладывает предпосылки к нему. Подобным же образом критика «субъективного идеализма и агностицизма кантовского толка» позволяет увидеть их здоровое зерно, неизбежность их в развитии науки.

Что касается того, что устарело. Конечно, рассуждения об «абсолютной истине как сумме относительных», идущие вразрез с весьма тонкими наблюдениями, сделанными в той же работе, повторенные Лениным весьма наивные энгельсовы возражения против «вещи-в-себе», понятие «отражения», если воспринимать его буквально, а не как образ.

«МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»: АНАЛИЗ НЕМАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ И ТЕОРИЯ МЕТОДА КРИТИКИ

А.Ш. Шайхутдинова, AsiaSheih@yandex.ru

Казань

Работе В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» исполняется сто лет со дня её издания. Книга вышла в годы усиления идеализма, религии, мистики и спиритуализма и была встречена критически как противниками материализма, так и бывшими соратниками: об этом свидетельствуют рецензии М.С. Булгакова, А.А. Богданова, В.А. Базарова, И.А. Ильина, Л.И. Аксельрод-Ортодокс, П.С. Юшкевича и др.

В работе В.И. Ленин руководствовался главной задачей – отстоять диалектико-материалистическое мировоззрение и коренные философские проблемы. В рецензиях, содержательная сторона книги, защищаемые Лениным философские проблемы, не рассматривались и не опровергались, оппонентов занимала лишь форма, видимо, поэтому рецензии в оценках похожи друг на друга. Рецензия Л.И. Аксельрод по смыслу отличается от других. Она, как и все критики, заявила, что «по существу Ильин не сказал ничего такого, что не было бы высказано раньше» марксистами. «В аргументации автора мы ни видим, ни гибкости философского мышления, ни точности философских определений, ни глубокого понимания философских проблем» [Ленин, 1931, с. 329]. Как и М.С. Булгаков,

который писал, что книга «пестрит ругательствами по адресу неугодных автору философов («кривляющийся Авенариус», «мошеннические фразы», «беспредельное тупоумие мещанина Маха» и т.д.), Л.И. Аксельрод дополнила его и подытожила: полемика Ильина всегда «отличалась крайней грубостью, оскорбляющей эстетическое чувство читателя» [Ленин, 1931, с. 332].

Л.И. Аксельрод акцентировала внимание на некоторых философских проблемах, поставленных в книге, и обозначила их «главными ошибками автора», обещая разобрать. Однако важной и первостепенной задачей для неё было не обсуждение выдвинутых проблем, а защита своего учителя. Она, как ученица Г.В. Плеханова, в рецензии отстаивала «теорию символов» в изложении своего учителя, и заключила, что Ильин абсолютно не понял мысль Плеханова. На последних страницах своей рецензии она коснулась вопросов «о причинности», «свободе и необходимости», чтобы сказать, что Ильин обнаружил их полное непонимание [Ленин, 1931, с. 330-332].

Приведенные рецензии свидетельствуют о том, что книга подвергалась критике всесторонне не только в период выхода в свет, но и на протяжении своего существования. Работа В.И. Ленина вызывала то негативную, то позитивную критику, но не оставляла читателей равнодушными, нейтральными, безразличными – в этом непреходящая значимость книги. Через сто лет она продолжает оставаться теорией метода критики.

Что такое критика? Сводима ли она к опровержению, или она сродни с анализом, исследованием? Каковы принципы критики? Применим ли ленинский метод критики в современных условиях, когда наблюдается тотальный отказ от марксизма-ленинизма и неприкрытый негатив к нему?

«Критика в научном познании (от греч. – искусство судить) – активное выражение отношения данной теории к другим, их оценка либо переосмысление самой данной теории с точки зрения ее собственных выводов» (Философская энциклопедия. М.: 1964. Т. 3. с. 91).

Критика – это позитивное исследование, анализ, поиск нового в рамках науки и путь установления истины. Критерием исследования, уровнем оценки являются научные требования, принципы и методы, выработанные и отстаиваемые конкретной наукой в конкретных исторических условиях.

Специфика ленинского метода критики антиматериалистических концепций заключается в том, что он убежденно отстаивал диалектико-материалистическое мировоззрение с целью дальнейшего его укрепления и развития. Первейшей и главной задачей в методе критики – очертить и установить объект защиты, то, что представляет научную ценность и определяет стратегию и тактику развития конкретной науки в целом.

В «Заключении» [Ленин, 1931, с. 291-292] работы «Материализм и эмпириокритицизм» В.И. Ленин детально расписал четыре принципа, которых необходимо придерживаться при анализе философских систем. Хотя он связал эти правила с выявлением идеалистической сути эмпириокритицизма, они так или иначе имплицитно содержатся в любой процедуре исследования, и являются основой теории метода критики, и условием научного подхода к рассмотрению любой философской концепции.

Ленинские требования в рамках метода критики включают в себя следующие обязательные процедуры:

Во-первых, в процессе критики необходимо *сравнение* рассматриваемой философской системы с «диалектическим материализмом» (в современных условиях следовало бы написать «с другими философскими системами»), чтобы обнаружить её онтологическую, гносеологическую сущность и выявить особенности и отличительные черты.

Во-вторых, следует *определить место* анализируемой философской системы «среди остальных философских школ современности», направлений, течений и её связь с ними, а также вскрыть основную тенденцию, перспективы собственного развития.

В-третьих, требуется *установить связи и отношения* исследуемой философской системы с наукой, естественнонаучными знаниями, религией, что способствует раскрытию содержания, смысла критикуемой системы.

В-четвёртых, за гносеологической сущностью рецензируемой философской системы нужно *доказать её социальную роль* и значимость, то есть уточнить, чему и кому служит она.

Совокупность ленинских принципов критики позволяет не только оценить анализируемую философскую проблему, но и вскрыть и поставить новые вопросы, способствующие укреплению и развитию философии и в современных условиях.

Литература

Ленин В.И. Сочинения. Издание третье, переработанное без изменений со второго исправленного и дополненного издания. Под редакцией: Н.И. Бухарина, В.М. Молотова, И.И. Скворцова-Степанова.- Государственное социально-экономическое издательство. Москва – Ленинград, 1931. Ленин. Том XIII. Материализм и эмпириокритицизм. – 396с.

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ: НАСЛЕДИЕ ПРОШЛОГО И ТОЧКИ РОСТА

А.А. Шестаков, Shestakovalex@yandex.ru
Самара

В последнее время в литературе выявлена, в частности, гетерогенность сенситивного познания, включающего не только *образные*, но и *знаковые* компоненты, что внесло существенные уточнения в представления о познании как сугубо отражательной процедуре. В частности, было обосновано, что чувственные модальности ощущений - звук, вкус, цвет, ощущения тепла-холода и иные, определяясь природой анализаторов, являются в то же время *знаковыми* обозначениями физической природы раздражителей. Как известно, феномен сенситивного познания стал предметом пристального рассмотрения в работе В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Вместе с тем, в его интерпретации не получил осознания тот факт, что в сенситивном познании имеет место диалектика чувственного и образного, что модальности ощущений, представляющие собой форму чувственного отражения, детерминируются функциональной организацией анализаторов, не содержат сведений о физической природе воздействующих на органы чувств стимулов и, стало быть, являются своеобразной системой внутренних знаков. Не для кого не секрет, что отрицание знаковой формы сенситивного отражения приводит к наивно-реалистическому отождествлению чувственной картины объективной действительности с самой этой действительностью.

Принципиально иное истолкование чувственного познания складывается под воздействием разработок в области теории восприятия, где предлагаются различные подходы к анализу перцептивной динамики. Эти исследования, в частности, показали, что сенсорные данные недостаточны для разграничения реальности и иллюзий, не являются когнитивным образом, знанием как таковым. Как показали исследования Р. Грегори, "из одних и тех же данных можно "вывести" совершенно разные объекты", <...> "любой паттерн может отвечать бесконечному числу возможных трехмерных форм" [Грегори, 1979, с. 9, 27]. Именно поэтому сенсорные данные - это лишь материал, в котором субъекту презентуется определенное предметное содержание и который в процессе восприятия подвергается различным способам переработки уже *неотражательного* характера - выбору, категоризации, интерпретации и т.д. Принципиальным является то, что познание предстает здесь, скорее, как процесс выдвижения перцептивных гипотез и их апробации, а также предсказания новых объектов, свойств, процессов. Это означает,

что познание отнюдь не является "копированием" действительности, но предстает, по преимуществу, процессом выдвижения субъектом предположений, т.е. принципиально иной процедурой, фундаментальным условием которой становится система личностных, культурно-исторических, предметно-практических предпосылок и установок.

Таким образом, когнитивный процесс истолковывается сегодня в системе гипотетико-селективной, творчески-проективной деятельности субъекта, опосредованной различными по природе — знаковыми и предметными - репрезентациями, содержащими квинтэссенцию социального и культурно-исторического опыта. Нетрудно установить, что при таком истолковании на передний план выступают иные параметры и характеристики познавательной деятельности, а некоторые прежние, в частности, адекватность, соответствие, уточняют свое содержание. В частности, адекватность чувственного познания, предполагая соответствие сенсорных данных параметрам объекта, вместе с тем непосредственно зависит от имеющегося у субъекта набора категорий или объект-гипотез, а также перцептивных установок и превосходящих когнитивных схем. Все указанные средства, особенно выдвижение объект-гипотез, обеспечивают процедуру интерпретации, или осмысления, в результате чего сенсорные данные приобретают предметные смыслы, а восприятие, таким образом, оказывается непосредственно связанным с феноменом понимания.

Приведенные выше трактовки сенситивного познания возрождают и переосмысливают уже забытые идеи, которые, как правило, в неадекватной форме интерпретировали существенные моменты познавательной деятельности. В частности, идею апперцепции, введенную еще Г. Лейбницем, стремившимся показать влияние "прошлого сознания" и опыта на познание в противоположность идее *tabula rasa*, в виде которой Дж. Локк представлял познающую душу субъекта. Переосмысленная Кантом в концепции априорных форм, идея апперцепции обрела самостоятельную жизнь в психологии (И. Герbart, В. Вундт), где воплотилась в утверждениях, что всякое восприятие интерпретируется на основе прежнего опыта в зависимости от сложившихся интересов и накопленного запаса представлений.

Преодоление устоявшейся парадигмы "познание есть отражение" предполагает прежде всего уточнение и ограничение содержания самого понятия отражения. Одно из значений данного понятия — истолкование отражения как *всеобщего свойства* материи, о чем писал еще В.И. Ленин: "...Логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения..." [Ленин, 1980, с. 91]. В литературе было установлено, что процедура отражения сопровождается другими приемами, существенно дополняющими ее или самостоятельно реализующими когнитивные функции, но не являющимися отражательными по своей природе. Отражение носит опосредованный характер и с необходимостью предполагает операцию *репрезентации* как представления сущности познаваемого явления с помощью особых посредников - моделей, символов, а также знаковых, логических и математических систем. "Общепринятость" норм репрезентации в конкретной культуре, их явный конвенциональный характер говорят о том, что *конвенция* как важнейший момент репрезентации вводится в основания познавательной деятельности, и тем самым коммуникативность признается как базисное условие познания в целом. В традиционной гносеологии как теории отражения конвенциям отводилась незначительная и, по преимуществу, негативная роль как чисто субъективистской процедуре. Морально устаревшие позиции наивного реализма и "отражательной" концепции познания часто не позволяют корректно оценить высказывания ученых о роли конвенций в познании. Это проявилось, в частности, в оценке взглядов А. Пуанкаре В.И. Лениным и догматическом следовании этим оценкам в работах ряда отечественных авторов. Размышления Пуанкаре о научном познании, природе гипотез, законов, принципов близки современному пониманию конвенций и должны, с нашей точки зрения, получить более конструктивную оценку. Конвенции в познавательной деятельности, выражая ее коммуникативный

характер, могут приобретать статус научных понятий, гипотез, принципов только при коллективном их принятии. Иными словами, требуются социальные санкции для того, чтобы конвенции смогли выполнять когнитивную функцию. Методолог науки Ст.Тулмин подчеркивал в этой связи, что индивидуальные инициативы могут привести к открытию новых истин, тогда как развитие новых понятий - это уже дело коллективное. Прежде чем такое предложение станет реальной "возможностью", оно должно быть коллективно воспринято как заслуживающее внимания, т.е. достойное экспериментирования и разработки [См.: Тулмин, 1984, с. 53-56].

Среди когнитивных операций одно из главных мест занимает интерпретация; она пронизывает всю духовную деятельность человека и особенно познание. Ее необходимость и всеобщность обусловлены прежде всего универсальной языковой деятельностью человека, в которой он имеет дело с различными текстами. В этом случае интерпретация предстает как процедура выявления смыслов и значений, содержащихся в текстах. Нетрудно увидеть, что в этом случае собственно теория познания тесно смыкается с философской герменевтикой, в которой интерпретации придаются культурно-исторический и онтологический смыслы, связанные с бытием субъекта. Изложенные выше представления существенно расширяют и содержательно изменяют представления об интерпретации, господствующие в литературе по теории познания и методологии науки, где интерпретация традиционно истолковывается в узком смысле как *логико-методологическую* операцию перевода математических символов и понятий на язык содержательного знания, как отыскание объектов, на которых могут быть реализованы исследуемые теории или к которым они могут быть сведены посредством метода моделей. В дедуктивных науках интерпретация выступает как форма отображения одной формальной системы или теории на какой-либо более конкретной теории (так называемая семантическая интерпретация). Вместе с тем, интерпретации в современной теории познания начинают придавать более широкое значение как операции, обратной абстракции, а главное - как *универсальной* процедуре любой деятельности субъекта и в особенности познавательной, в которой знаковые системы - тексты занимают доминирующее место.

Было бы существенным упущением не упомянуть еще одну важную особенность современного анализа познания - интерес к основаниям и предпосылкам знания, к диалектике рефлексивного и нерефлексивного в познавательной деятельности. Предметом внимания здесь становятся именно те компоненты, которые не представлены в явном виде, существуют как подтекст, скрытые основания и предпосылки знания, образующие нерефлексируемый до поры до времени слой в структуре знания. Анализ неявной компоненты познавательной деятельности, различных форм ее присутствия и функционирования в знании позволяет эксплицировать скрытые, неосознаваемые способы введения в познание различного рода ценностных ориентации субъекта, определить их когнитивную значимость. В данном материале мы остановились лишь на нескольких «точках роста» современной теории познания. На самом деле их гораздо больше, что, несомненно, является фактом позитивным.

Литература

Грегори Р. Разумный глаз. М., 1979. - 209 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 18. М., 1980. - 614 с.

Тулмин Ст. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984. - 327 с.

Содержание

А.А. Аверькова. ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА ПАРТИЙНОСТИ В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ В 1970-х ГОДАХ

В.А. Бажанов. КНИГА В.И. ЛЕНИНА "МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ" И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ В XX ВЕКЕ

Н.Г. Баранец. О ВЛИЯНИИ ЛЕНИНСКОГО СПОСОБА АРГУМЕНТАЦИИ И КРИТИКИ НА СОВЕТСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ СООБЩЕСТВО В 20-40-е ГОДЫ XX ВЕКА

Н.Г. Баранец, С.Е. Морозов. ВЛИЯНИЕ НА ТЕОРИЮ ОТРАЖЕНИЯ ДИСКУССИЙ О ПРИРОДЕ ИНФОРМАЦИИ В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ В 1960-1980-е ГОДЫ

В.Е. Баранов. ЛЕНИНСКАЯ КРИТИКА «ТЕОРИИ СИМВОЛОВ» Г. ГЕЛЬМГОЛЬЦА И СОВРЕМЕННАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ

О.А. Белёвский. КНИГА В.И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» И НЕОБХОДИМОСТЬ КРИТИКИ ПОЗИТИВИЗМА

Б.В. Емельянов, В.М. Русаков. В.И. ЛЕНИН «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»: 100 ЛЕТ «ЗА» И «ПРОТИВ»

О.В. Ершова. ВЛИЯНИЕ РАБОТЫ В.И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» НА ДИСКУРС ФИЛОСОФСКОГО СООБЩЕСТВА В СССР

М.В. Жукова КНИГА В.И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ ПОИСКА ИДЕНТИЧНОСТИ

И.В. Иванова. ВЛИЯНИЕ РАБОТЫ В.И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» НА СОВРЕМЕННУЮ МЕТОДОЛОГИЮ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

В.Н. Игнатович. АКТУАЛЬНОСТЬ КНИГИ В.И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЗИКИ

В.Ф. Исайчиков. «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» - ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ

А.А. Касьян. ОПОЗИЦИЯ «НАУЧНОЕ – ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ XX ВЕКА

А.М. Конопкин. КНИГА В.И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» И ИДЕОЛОГИЗИРОВАННАЯ НАУКА В СССР

Л.И. Копытова. ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕОРИИ ОТРАЖЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ

В.В. Крюков. АПОРИИ КОНЦЕПЦИИ ОБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

А.Ф. Кудряшев. МАТЕРИАЛИЗМ, ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ И ОНТОЛОГИЯ

Е.В. Кудряшова. ЗНАЧЕНИЕ КНИГИ В.И.ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

С.В. Куревина. ДИСКУССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ФИЛОСОФИИ

А.Б. Макаров. О ФИЛОСОФСКОЙ КРИТИКЕ НАУКИ (А. ПУАНКАРЕ И В.ЛЕНИН)

Л.А. Минасян. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЗИКИ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕНИНСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

С.Ф. Нагуманова. ИДЕЯ ОТРАЖЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИОНИЗМ

Э.М. Солнечный, Т.И. Соколова. УСТАРЕЛА ЛИ РАБОТА В.И.ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»?

А.Т. Свергузов. К ВОПРОСУ «ИСЧЕЗНОВЕНИЯ МАТЕРИИ» В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

В.И. Табаков. ЧТО ОСТАЕТСЯ НЕЗЫБЛЕМЫМ, А ЧТО НЕТ В КНИГЕ В.И. ЛЕНИНА ПРОТИВ «ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМА»?

Т.М. Тараданова. ТЕОРИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА В КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ Л.С. ВЫГОТСКОГО

А.А. Тихонов. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КРИЗИС НАЧАЛА XX ВЕКА И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ

А.Н. Тихонов. РАБОТА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» В.И. ЛЕНИНА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ «ЧУДЕС», ОТМЕЧЕННЫХ В ДРЕВНЕРУССКИХ ИСТОЧНИКАХ

В.Г. Торосян. «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» СТО ЛЕТ СПУСТЯ

А.Ш. Шайхутдинова. «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»: АНАЛИЗ НЕМАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ И ТЕОРИЯ МЕТОДА КРИТИКИ

А.А. Шестаков. СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ: НАСЛЕДИЕ ПРОШЛОГО И ТОЧКИ РОСТА

